

18+

ЛЕЛА ТАКАЦЦИ

ПОД ШКУРОЙ ГАУРА

Часть II. Хорт

Лела Такацци

Под шкурой гаура.

Часть 2. Хорт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73036678

ISBN 9785006877320

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Под шкурой гаура прячется израненный человек, а книга под видом классического фэнтези о контакте двух миров являет нам горькую правду о психологии раба. Что происходит с душой человека в результате долгих лет насилия? Возможно ли после плена и издевательств вернуться к обычной жизни? Под маской романа о любви и приключениях скрывается рассказ о человеке, потерявшем и нашедшем себя. Лишь череда испытаний помогает ему вновь вернуться к внутренней свободе и самоуважению.

Содержание

Рецензия на книгу «Под шкурой гаура»	5
Глава 1. Лжемирье	8
Глава 2. Непростое знакомство	25
Глава 3. Политические игры	43
Глава 4. Никогда не расслабляйся	61
Глава 5. Не влезай мне в душу	79
Глава 6. Урок бойцового раба	95
Глава 7. Шашлыки	113
Глава 8. Правило воинов	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Под шкурой гаура

Часть 2. Хорт

Лела Такацци

Редактор Анна Мурадова

Корректор Анна Мурадова

Дизайнер обложки Анна Олина

© Лела Такацци, 2025

© Анна Олина, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-7732-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-7729-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рецензия на книгу «Под шкурой гаура»

С первых страниц этой книги мы погружаемся в знойный, красочный, наполненный пряными ароматами мир, контакт с которым необходимо наладить группе исследователей из современной России. На первый взгляд это каноническое фэнтези о попаданцах со всеми элементами приключенческого романа: тут и похищения, и сражения, и интриги, и, конечно же, любовь. Не обходится даже без чудесных совпадений в мелодраматическом духе. Однако это всего лишь увлекательная упаковка для рассказа о страшном и совершенно не привлекательном явлении, которое, увы, встречается и в нашем мире.

Во что превращается человек после долгих лет плена, рабства, пыток и унижения? Нет, не в героя-любовника, который благодарен прекрасной даме за избавление от смерти, а в глубоко травмированного человека с израненной психикой, который уже не в состоянии доверять никому. И можно сколько угодно играть роль спасительницы, женщины-судьбы, которая несет свободу угнетенным, но результат будет весьма скромным. Если и поблагодарят, но не сразу, да и это не гарантировано. Прийти в чужой мир, ворваться в чужую жизнь и восстановить справедливость – вроде бы благород-

ная задача, но и в нашем, и в чужом мире люди устроены не так, как нам мечталось бы. Человек, переживший насилие, будет в лучшем случае недоверчивым и осторожным. И, к счастью для героини книги, ей выпал именно этот, наилучший из вариантов, а могло бы быть и гораздо хуже.

В этом и состоит главное достоинство книги: под шкурой дикого быка гаура прячется человек, настолько искалеченный морально, что путь к благополучию для него заказан, а под абсолютно классическим сюжетом проступает грубоватая правда жизни. Впечатление такое же, как если бы в старом добром индийском фильме появились документальные кадры.

В романе более чем достоверно описана склонность женщины к спасательству, любовь к страдающим без понимания горькой и страшной правды: человек, много лет подвергавшийся пыткам и унижениям, может быть опасен. Как тут не вспомнить реальных, не книжных, женщин, влюбляющихся в заключенных или в бывших солдат, имеющих боевой опыт в горячих точках?

Повествование строится именно на этом контрасте: читатель настраивается на красивую сказку о влюбленных, а получает историю о душевной травме, которая, в отличие от телесных ран, заживает долго и то не полностью. Страдания героя поначалу волнуют воображение, но позже становятся серьезным препятствием для общения, а то и вовсе грозятся разрушить и без того хрупкую привязанность. И чем даль-

ше, тем больше Милена, которой нравится искалеченный, озлобленный на весь мир Гаур и совершенно не интересен благополучный и рассудительный соратник Терсонис, вызывает сочувствие: в ней, вполне вероятно, многие читательницы узнают либо себя, либо кого-то из ближайшего окружения. Любовь с массой препятствий, которые надо преодолевать, в литературных произведениях этого жанра обычно романтизируется и считается более достойной, чем скучное сосуществование обывателей. Не будь этой трудной любви, не было бы и увлекательного сюжета. Однако автор ставит перед нами непростой вопрос: можно ли всерьез предполагать, что после всех приключений и злоключений герои будут жить долго и счастливо?

Книга читается на одном дыхании, автор выстраивает динамичный, захватывающий сюжет, играя по всем правилам жанра. Яркие, запоминающиеся герои показаны глазами пылкой девушки и четко разделены на благородных и злодеев. Однако не все они укладываются в привычную схему, а некоторые персонажи и вовсе оказываются совсем не теми, за кого себя выдавали. Условное Средневековье, красочное и иногда пугающее, увлекает и завораживает, настолько отчетливо прописана каждая деталь жизни и быта Калитоса, вымышленной страны не нашего мира. Остается лишь пожелать читателям приятного путешествия вместе с героями книги!

Анна Мурадова

Глава 1. Лжемирье

Вещей в сумке набралось немного. Да и что забирать из Аскалитании домой, кроме стопки белья, шокера да блокнота с записями? Не платья же, в конце концов. Милена всегда ворчала на них из-за неудобных юбок, но теперь ладонь сама потянулась к чужеземной ткани и рассеянно провела по ней пальцами. Покидать этот мир на неопределенный срок оказалось неожиданно трудно.

Милена оделась в привычные джинсы и футболку, отложенные для походов в Ольховинку, а вот обувь пришлось оставить местную: перебинтованная нога с трудом влезала лишь в калитосские плетеные босоножки. Ну до дома доберется, а там видно будет! Прежде чем спуститься вниз, девушка скрутила волосы в пучок и накинула плащ, хоть и знала, что ни Церсении, ни стражников на вилле больше не было. И перечитала записку для Терсониса. Возможно, она вышла слишком сдержанной и сухой, и Милена уже представляла, как он недовольно и удивленно нахмурится, когда развернет бумагу, совершенно не ожидая от нее подобных решений. Но кто ж виноват, что иных выходов она не видела, а сам напарник умотал сразу после скорого перекуса к кому-то из сенаторов и до сих пор не соизволил вернуться. Тем лучше. Объясняться еще и с ним у нее сейчас не было никаких сил. Ей хватило разговора с Хортом.

Хорт. Теперь надо приучиться называть его нормальным именем. Потому что Гаур – это рабская кличка. И коль скоро она собралась отвести его в то место, где рабства не существовало, то и с кличками пора покончить. Вся их беседа оказалась настолько неожиданной и незапланированной, что до сих пор не верилось: как же всплыла тема лжелюдей? Он действительно не воспринял всерьез легенду про Вьюли-аж с самого начала? Подозревал в ней не просто чужеземку, но и ту, которых называли запретным словом, хоть и отказывался принимать столь дикую новость? Но отпираться уже не имело смысла. И отправлять Хорта к сеньору Химентису на верную смерть Милена тоже не желала. Ему и без того в Аскалитании не светило ничего, кроме продолжения рабского существования, а теперь из-за нее же и вовсе грозило устранение. Если треклятый храмовник Даустос и правда точит зуб на нее и Терсониса, он запросто объявит ее лжечеловеком и доберется до всех, кто их окружает. А уж бойцовый раб Гаур как минимум отправится-таки на жертвенный алтарь либо в руки Амарантиса.

Так что выход оставался один: забрать Хорта с собой в Ольховинку. От одной этой мысли голова начинала ныть. Лихая затея грозила самой Милене уймой хлопот, проблем и рисков. Но ничего другого она не придумала. И озвучила мужчине свой план и его детали. Тот на удивление даже бровью не повел: молча выслушал ее краткие инструкции, пояснения и условия и спокойно кивнул. После чего отправился

исполнять единственное поручение – собрать вещи, одеться в штаны и рубашку и ждать отмашки.

Милена честно планировала сперва посоветоваться с Терсонисом, но тот сильно задерживался, и она потеряла терпение. Поэтому записка была передана для него со служанкой, а девушка прошла в залитую закатным солнцем парадную комнату виллы, где обнаружился переодетый и готовый Хорт с котомкой за плечом. Даже в приличной коричневой рубашке, заправленной в аккуратные штаны, и в надетых, наконец, впервые ботинках он все равно будет привлекать к себе внимание в Ольховинке чужестранным видом, пока они дойдут до ее дома. Но на это сейчас плевать.

Милена приблизилась к нему и, перехватив поудобнее сумку, произнесла:

– Ты мне обещал: слушаться меня во всем, ничего не опасаться и делать то, что я скажу в ближайшие несколько дней.

– Не надо повторяться, госпожа, я запомнил, – пренебрежительно выгнул он уголки губ.

– Я с этого момента не госпожа, я Милена, ты Хорт. Попытайся принять эту роль, так нам будет проще общаться в моем мире. Потому что там все совсем иначе. И я рассчитываю на твое благоразумие! От этого сейчас зависит очень многое.

Хорт молча развел руками, не имея возражений и явно не зная, зачем по десятому кругу перетирать уже оговоренное.

– Ладно, тогда идем.

Они покинули пустую виллу и направились привычной для девушки тропинкой к дальним взгорьям. У знакомых скал Милена сняла плащ, по обыкновению пряча его под камнями, и краем глаза покосилась на Хорта. Но тот никак не отреагировал на вопиюще чужеродную одежду и лишь задумчиво проскользил взглядом по ее фигуре в диковинном, мужском в его понимании наряде, после чего едва слышно хмыкнул и отвернулся.

– Переход в мой мир займет от силы пару минут, – сообщила Милена, ныряя в темноту скального разлома и включая электрический фонарик, от света которого Хорт недовольно и с подозрением сощурился. – За дверью мы сразу окажемся там. Дойдем до города минут за двадцать, ну и по улицам придется, тут без вариантов. Просто следуй за мной.

Хорт снова ничего не ответил и кивнул, с легким любопытством наблюдая, как Милена нажимает кнопки кодового замка, как щелкает внутри конструкции скрытый механизм, как открывается прочная дверь из незнакомого ему материала. Они прошагали по пещерному ходу до проема и очутились в еловом лесу, потонувшем в предзакатных сумерках. Небо до сих пор переливалось алыми гранями, но среди деревьев уже витала прохладная полутьма. Милена достала из сумки кофту на молнии и поспешила натянуть ее – августовский вечер в Ольховинке разительно отличался от зноя Калитоса.

– Запомни, что бы странное или устрашающее ты ни уви-

дел и ни услышал, не реагируй. Я спокойна – ты спокоен. Опасности для нас тут нет.

– Да понял я, – буркнул Хорт, не разделяя ее беспокойство и равнодушно озираясь по сторонам.

Может, до сих пор не верил, что сквозь скалы можно было реально попасть куда-то дальше окраин имения Рохосов? Или вид ельника и внезапная прохлада не сильно его удивили? Впрочем, беспечность сменилась настороженностью, стоило им выйти из леса и ступить на обочину асфальтированной дороги, огибающей лес и выводящей к городу. Он хмуро изучил удивительную поверхность, потопал по ней ногами для верности и с недоверием зашагал вперед. Милену же напрягала вовсе не дорога, а неизбежные машины, и едва вдали послышался шум мотора, она предусмотрительно остановилась и сделала знак Хорту оставаться на месте. Он сдвинул брови, глаза пытливо уставились на несущийся на них рычащий и светящийся объект, а ладони рефлекторно сжались в кулаки. Он проводил пристальным взглядом автомобиль и все же шумно выдохнул.

– Это вроде вашей повозки, – пояснила Милена, тоже с облегчением расслабляясь. – Она ездит без лошадей и в разы быстрее. Правда, она громкая. Мы будем их встречать на дорогах очень часто. Постарайся не реагировать.

Хорт задумчиво прищурился, так и не перестав хмуриться, но отвечать не стал. Просто вновь кивнул и последовал за девушкой. Видимо, рассудил: чем быстрее они дой-

дут до обещанного дома, тем лучше. Понять его было можно: это для Милены знакомство с Аскалитанией хоть и прошло на нерве, но она все-таки представляла, чего ожидать от условного раннего средневековья. А Хорт очутился в мире с давно ушедшим вперед прогрессом, который люди его эпохи не могли себе и вообразить. Еще хорошо, что он честно старался ни на кого не нападать и не шарахаться.

Вскоре их ждало новое испытание, ибо они ступили на окраину Ольховинки. Несмотря на частные дома, опоясывавшие небольшой центр города, в этот час тут все равно было достаточно оживленно. Нет-нет, да проезжали машины, с работы возвращались люди, возилась на простенькой детской площадке ребятня. Миновать цивилизацию никак не выйдет, и Милена ускорила шаг, молясь о том, чтобы вся эта прогулочка не вылилась ей боком. При мысли о неизбежном посещении супермаркета новая волна тревоги прокатилась по сознанию, но Хорту сегодня предстоит пережить и этот квест. Голодными лечь спать не вариант. Он шел за ней относительно спокойно, настороженно вдыхал чужой воздух и прислушивался к незнакомым звукам. Но стоило ему заметить нечто уж совсем странное, вроде прогромыхавшего по ухабистой дороге самосвала или прошедшей мимо них компании подростков с льющейся из массивной колонки громкой музыкой, и он отводил взор, предпочитая не вникать. Лишь ноздри его нервно раздувались.

В центр города Милена соваться не решилась. Довела

Хорта до ближайшего к дому продуктового и приостановилась перед ярко освещенным входом.

– Так, нам нужно купить еды... вот в этой лавочке, – махнула рукой девушка на двери. – Зайди со мной, води себя спокойно. Я выберу на свое усмотрение?

Хорт пожал плечами и глухо ответил:

– Я сюда не трапезничать шел. Мне по пустоши. Только платить мне нечем ни там, ни тут.

– Считай, ты у меня в гостях, – закрыла тему Милена и подтолкнула его к лестнице магазина.

Пока она спешно кидала в корзинку все, что могло понадобиться из продуктов и предметов первой необходимости, Хорт начал осматриваться по сторонам и с недоверием косился даже не на прилавки с цветастыми упаковками, а на людей, курсировавших по залу. Милена замечала, как он внимательно наблюдал за их внешним видом, поведением, интонациями, с которыми они говорили на незнакомом языке. По выражению его лица было не понять, что он думает и сколько вопросов роится в его сознании, но он выглядел напряженным, готовым сорваться на бег хищником. Как-то женщина стала заинтересованно поглядывать на Хорта, реагируя на его непривычную одежду, все еще явственную ссадину на смуглой скуле и неместные черты. Мужчина рефлексивно подобрался, отступил, ожидая то ли обычного в свой адрес гневного окрика, то ли презрительной гримасы. Но женщина смутилась и заторопилась к кассе.

Милена управилась с покупками так быстро, как могла, и с облегчением покинула вместе с Хортом супермаркет. Первое посещение общественного места прошло без эксцессов! На сегодня хватит. Пока она мысленно выдыхала, направляясь в сторону дома, Хорт молча забрал у нее пакет с продуктами, брезгливо пошуршав целлофаном, и больше по сторонам не смотрел. Видимо, и ему было достаточно для первого раза.

Они поднялись на третий этаж, и Милена распахнула дверь в свою квартиру, встретившую ее тишиной и... безопасностью. Здесь им действительно никто не угрожает! Ни чертов Даустос, ни напыщенный Балиди, ни немые наемники! Пусть теперь хоть общутся! Она тщательно заперла замки и включила в прихожей свет.

– Это мое жилище, – сказала она Хорту, стягивая кофту и снимая калитосские босоножки. – Как видишь, не имение, не вилла и не весь этот дом. А всего несколько комнат. Тут я жила до того, как перебралась в Аскалитанию с целью выяснить, кто из вашего мира навевается к нам. В общем... Добро пожаловать.

Хорт прижмурился от яркого света и заозирался в тесной прихожей, совершенно не понимая, что ему дальше делать. Для него все было незнакомым, непонятным, чужим. Милена выдала ему гостевые тапки, на которые он посмотрел с презрением, но неохотно надел, оставив ботинки у двери. Девушка показала ему ванную и уборную, выдала полотен-

це с зубной щеткой, кое-как объяснила принцип включения света и воды и проводила в свободную комнату.

– Спать будешь здесь, – сообщила она, придирчиво пробежаясь глазами по небольшой спальне, где всегда останавливались ее родители, когда навещали ее в Ольховинке, и где теперь располагалось ее рабочее место. – Я пока пойду что-нибудь приготовлю на ужин, а ты устраивайся.

Хорт прошел к ближайшему стулу и, скинув на него с плеча котомку с вещами, немного растерянно оглядел вроде бы понятное, но во многом непривычное убранство. Кровать, шкаф да письменный стол ничем таким вопиющим и не отличались от Калитоса, кроме дизайна. А вот компьютер с плоским монитором, лампы под потолком, настенные часы и пара фотографий в рамках могли, конечно, ввести в ступор кого угодно из другой эпохи.

– Что мне делать? – спросил Хорт, обернувшись к девушке и замерев в ожидании.

– Отдохнуть, – подчеркнула Милена. – Здесь тебе не рабство. Я позову, когда все будет готово.

Хорт неуверенно потер сзади шею и устало опустился на край кровати, застеленной бежевым покрывалом. Он продолжал болезненно щуриться, и Милена включила ему бра на стене, погасив общий свет. После мягких, но тусклых масляных ламп Калитоса электричество оказалось для мужчины слишком некомфортным.

Милена направилась на кухню и погрузилась в готовку ку-

риных ножек и легкого салата, ибо на иные кулинарные изыски у нее не имелось больше сил. Все потом. Видимо, стресс последних дней начал проявляться только сейчас, когда она оказалась у себя дома. Плюс еще и присутствие Хорта спокойствия никак не добавляло.

Почему-то находиться с ним под одной крышей на летней вилле, слышать от него язвительное «Как пожелает госпожа» и поднимать его с колен было намного свободнее и проще именно там, в Аскалитании. Теперь же она привела его в мир, о котором он не имел ни малейшего представления. Все эти кривотолки про Лжемирье, курсирующие столько веков подряд, очевидно сопровождались откровенной чепухой и не имели ничего общего с реальностью. И лишь тот самый, не найденный ею нынешний контактер мог знать наверняка, что такое Ольховинка. Вдруг Хорт ринется втыкать канцелярскую скрепку в электрическую розетку, и его ударит током? Вдруг он воспримет людей на экране телевизора врагами, вылезаящими из светящейся стены? Вдруг шум мотора мусорной машины поутру станет для него сигналом атаки железных монстров? Милена никогда раньше не задумывалась, что такие простые и банальные вещи могут оказаться для кого-то опасными или устрашающими.

Но помимо этого она осознала весьма неоднозначный факт: впервые за все время она осталась с Хортом один на один. Никакой охраны в холле виллы, никакого напарника Терсониса в усадебном доме за эвкалиптовой аллеей. Даже

Церсении и той не стояло на кухне у дровяной печи. И хоть Хорт до сих пор вел себя относительно послушно, это вообще не давало гарантий на будущее. Особенно здесь, где он мог по-настоящему почуять такую заманчивую и реалистичную свободу. И задумай он сбежать и скрыться в том мире, где есть шанс начать свою жизнь с чистого листа, по факту это обернется катастрофой для всех. И для него, ибо он не протянет в одиночку и пары дней и загремит в отделение, и для самой Милены, на которую повесят незапланированное проникновение чужака в их мир и вызнут по-полной.

Девушка решительно помотала головой, накрывая ножки крышкой, чтобы они немного дошли на медленном огне. Не нужно накручивать себя раньше времени! Сегодня Хорт вряд ли ринется в бега, а завтра она заново хорошенько с ним потолкует. В конце концов, электрошокер теперь постоянно при ней, и не стоит с ним расставаться даже во сне.

Наконец, Милена позвала сареймянина на кухню, предусмотрительно оставив лишь свет над столешницей. Тот прошел молча, почти спокойно и уселся за стол, косясь на полную тарелку.

– Я готовлю не так вкусно, как Церсения, но ни слуг, ни кухарок у меня не имеется. Приятного аппетита.

Хорт подозрительно взглянул сначала на закипающий электрический чайник, потом на чашку с темной заваркой рядом с собой и взялся на вилку.

– Рабов не кормят изысками, мне все нормально, – про-

странно заявил он и внезапно добавил: – Я могу неплохо пожарить кабана на костре. Но тут вроде негде.

– Да уж, – слабо улыбнулась Милена, тоже принимаясь за ужин. – Кабан на моей кухне и не поместится. Значит, ты умеешь охотиться?

Хорт снисходительно скривил губы и кинул на нее упрекающий взгляд.

– А госпожа думает, на войне были казенные харчи? Что поймали, тем и сыты.

Ах, так это вовсе не воспоминания мирной, довоенной жизни, а тяготы фронтового быта. Милена впервые задумалась, кем же был Хорт до ухода на войну? Чем он занимался, имелась ли у него семья, что он любил делать на досуге: стрелять из лука, скакать на лошади или точить клинок меча? Но спрашивать не стала.

– Опять ты госпожой меня зовешь, – вздохнула девушка, понимая, что именно здесь – на ее собственной кухне это звучало особенно нелепо.

– Непривычно иначе, – пожал плечами Хорт, охотно расправляясь со своей порцией. – Да и не гоже.

– Слушай, я тут подумала, – опомнилась девушка, возвращаясь к давней мысли. – Ты же из Сарейма. В теории я могла бы сопроводить тебя туда и вернуть на родину. Там ты сможешь жить вновь свободным человеком. Вероятно, отыщешь родной дом.

Но Хорт равнодушно усмехнулся и поднял на нее глаза.

– В этом нет нужды. Сарейм не принимает обратно воинов из плена, а из рабства тем более.

– Как так? – уставилась на него Милена, впервые слыша о подобном раскладе. – Ты же не дезертир! Ты не виноват, что попал в плен и был продан в рабство!

– Командованию Сарейма без разницы, как это случилось, – мотнул головой Хорт, отпивая горячий черный чай. – Побывавший в плену мог выдать врагу военные тайны, сведения о расположении войска или же переметнуться на его сторону. Не имеет значения, сам или под пытками. Он – предатель. Каждый плененный воин вычеркивается из списка граждан.

– *Черт*, но война же закончилась шесть лет назад! – воскликнула Милена с досадой. – Неужели ты не можешь возвратиться домой не как воин, а как обычный гражданин Сарейма?!

– Воины бывшими не бывают, – отрезал Хорт и откинулся на спинку стула, утомленно смахивая с лица растрепавшуюся прядь. – Таков закон моей страны. И мне он близок куда больше, чем рабовладение Калитоса.

По его серым радужкам просквозил легкий шлейф вызова, порицания, несогласия. Он готов был принять любые условия от собственной отчизны и оставаться для нее тем самым капитаном конной гвардии, которому однажды не повезло в последнем сражении. Но с унижительным рабством, где его мучили все десять лет, он мириться не желал.

– Получается, идти тебе некуда... – подытожила Милена, уныло добавляя к списку сложностей с устройством судьбы Хорта еще один невеселый пунктик.

– Отчего же? – оживился Хорт, делая последние глотки чая. – В западных землях есть прекрасный край – Застестье. Пустынные, мертвые и непригодные для жизни территории, не принадлежащие ни одному государству. Да и кому бы сдавалась неплодородная, скалистая земля, где не растет ничего, кроме пустого, прогорклого ковыля, и почти не найти даже скудных ручьев? Там нет дичи, нечем развести костер, негде напиться. Но о Застестье мечтает любой невольник из Сарейма, для кого нет иного дома на свободе, одни брошенные и ничейные земли.

– И ты тоже хотел бежать в Застестье? – тихо спросила Милена, рисуя в воображении картину крайне негостеприимного края, где путники, день за днем бредя по голым скалам и иссушенным низинам, гибли от жажды, холода и голода.

Хорт отвел взгляд, тотчас же забурливший стылой выюгой, застарелыми разочарованиями и ноткой горечи.

– Мне было до хмари куда. Но жандармерия Калитоса всякий раз оказывалась сильнее и быстрее. Хорту со всеми было не справиться...

Черт... Опять разговор свернул куда не надо. Ни к чему теперь вспоминать эти тяготы.

– К счастью, в данный момент ты здесь, – уверенно заявила девушка. – Пока забудь и о рабстве, и о скалах. А дальше

я что-нибудь придумаю.

— К какому ж такому счастью? — невесело прищурился Хорт и чуть склонил голову набок. — Я ведь даже не знаю, где нахожусь. Меня подобному не учили: прошагать с полчаса, а очутиться в чудном мире, которого нет на картах. О Лжемирье чего только не рассказывали. Да все больше пугали. А тут и вовсе все по-другому.

— Боюсь представить, что там болтали о Лжемирье, — поджала губы Милена. — Но раз уж ты в Ольховинке, ты должен понимать: связь наших миров очень давняя. Она действительно возникла не вчера и не пару десятков лет назад. А вот что на самом деле опасно — это бесконтрольные миграции людей туда-сюда.

— И поэтому я здесь? Мудро, — без зазрения совести поддел Хорт.

— За тебя здесь отвечаю я, — твердо ответила Милена, приняв вызов. — И если ты не сбежишь за порог моей *квартиры*, ни тебе, ни моему миру ничего не грозит. Просто слушайся меня. Это самая главная моя просьба.

— Так значит, это жилище называется *квар-ти-ра*? — выдал совершенно внезапное Хорт, заинтересованно оглядывая скромное убранство кухни.

— Что б я так же языки схватывала... — угрюмо пробурчала себе под нос Милена, поднимаясь из-за стола и собирая тарелки.

Она не сильно удивится, если через жалкую неделю Хорт

будет бегло болтать на русском с каким-нибудь милейшим акцентом, тогда как она до сих пор делала уйму ошибок в чертовом калитосском! Ну и ладно! Не дано, значит, не дано!

– Госпожа, чего хмуришься? – впервые обратился к ней на «ты» Хорт, тоже вставая на ноги и замирая посреди кухни в выжидательной позе. – Я не собираюсь никуда сбегать. Только глупец так поступит в незнакомом мире, ничего о нем не зная. И дурное причинять тоже не планирую. Я вообще не должен тут находиться... Можешь запереть меня в той комнате до утра для спокойствия.

Милена нервно выдохнула и развернулась к Хорту, так и не приступив к мытью посуды.

– У меня нет замков на комнатах. Зато есть одно эффективное оружие, которым я сразила избившего тебя жандарма. И я его всегда держу при себе. Но я очень надеюсь, что до недоразумений у нас не дойдет. А теперь иди отдыхать. Даже я смертельно устала сегодня. А ты и вовсе минувшей ночью пробыл на допросе. Давай просто выспимся. *Ванная...* эм-м, купальня в твоём распоряжении, если нужно. Как зажечь свет, я показала.

Хорт на это коротко и благодарно кивнул и тихо удалился. Интересно, как на калитосском звучит аналог «хорошего понемножку»?

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 2. Непростое знакомство

Утро для Милены началось непривычно поздно: часы показывали одиннадцатый час. Что же это, она проспала мертвым сном половину суток к ряду? Хотя и не удивительно, слишком тревожными и напряженными выдались последние дни. Решив, что Хорту по-любому предстоит шокирующее знакомство с совершенно чуждым ему миром, она надела домашний сарафан до колена и вышла из спальни. Но в квартире все еще стояла тишина, а сареймянин мирно сопел в своей кровати, укрывшись одеялом, кажется, до носа. Бра он выключил, шторы задернул, электрические розетки, судя по всему, не курочил. Уже легче! Милена прикрыла дверь спальни и отправилась готовить завтрак и приводить себя и мысли в порядок.

Она приняла душ, напекла оладий, потом посомневалась и пожарила яичницу. С этой суматошной миссией в чужом мире, а уж тем более с дровяной печью в Аскалитании ей давненько не приходилось готовить по утрам для кого бы то ни было. Разве что родителям или брату Женьке, когда те изредка посещали их родной городок в провинции, предпочитая ему шумный и яркий Заокск. А на себя у Милены и вовсе не оставалось времени: так, по-быстрому сообразить что-то съедобное и не сильно вредное, да опять побежать или в филиал, или на раскопки. Вот и теперь голова туго сообража-

ла, чем же накормить мужчину с комплекцией воина, чтобы не оставить голодным. Черт, и когда только она успела привыкнуть к услугам Церсении?!

Однако долго обманываться бытовыми иллюзиями не вышло. На повестке, как ни крути, стоял более животрепещущий вопрос: что делать дальше?! В Аскалитании она неудачно превратилась в мишень для коварных заговоров непонятно каких зачинщиков, контактеры с ее миром не выявлены, Терсонис оставлен там разгребать дела в одиночку. А за стенкой спит бойцовый раб с весьма расшатанной психикой, которого нужно заставить полностью ее слушаться и чем-нибудь занять, пока сама Милена вынуждена отсиживаться в окопах. Для полной картины в мрачных тонах она представила, как докладывает обо всем этом руководителю Захарову, и настроение в конец испортилось. Он доверил ей такое ответственное задание, от которого зависело благополучие ее же собственного мира. А вышло... так, как вышло.

Наскоро перекусив и хлебнув крепкого кофе, Милена усеялась в гостиной перед распахнутыми в солнечный погожий день балконными дверями и раскрыла исписанный блокнот. Пора подводить промежуточные итоги. Храмовник Даустос – даже если вообще ни в чем не подозревал Милену – однозначно угрожал ей и пытался заставить повлиять на Терсониса. А значит, он был точно против его реформ. Первый советник Балиди открыто критиковал наемный труд и охотно муштровал октанцев, чтобы выставлять их на состязани-

ях в «Элиниосе». Его тоже можно вписать в графу противников отмены рабства. Туда же отправился и Амарантис, но уже со знаком вопроса рядом с тревожной записью «Готовит сотню рабов к военным действиям». Дальше шла доблестная жандармерия, якобы жаждущая установления военной диктатуры, но пока ничем себя не скомпрометировавшая. Кроме возмутительного поведения в имении Рохосов.

В столбике со знаком «плюс» жалко болтались лишь старший сенатор Химентис, вроде бы поддерживающий Терсониса, и парламентарий Аскалитании Нандис, который показался Милене слишком уж неуверенным в себе и скромным типом. Ничто из этого не вдохновляло на успех стараний ее напарника. И никто из них не давал заподозрить себя в связи с Ольховинкой! Ну что тут сделаешь?! Милена с досадой отшвырнула блокнот на журнальный столик.

В этот момент дверь спальни скрипнула, и на пороге появился встрепанный и наскоро одетый в штаны и расстегнутую безрукавку Хорт. Он сделал пару шагов в сторону гостиной и, заметив Милену, хрипло пробормотал:

– Хмарь... Я проспал? Чего не подняла?

– Да мы вроде никуда не торопимся, сеньор Стайдера, – пожал плечами Милена, спуская ноги с дивана. – Еще весь день впереди. Не хотела тебя будить. В прошлый раз ты этому не обрадовался.

Хорт угрюмо отвел взор, вспомнив тот ночной инцидент, и ругнулся на себя сквозь зубы.

– Морок... Вот срубило...

И удалился в уборную.

Милена вздохнула и отправилась на кухню греть остывший завтрак. Вскоре Хорт присоединился к ней уже умытый, опрятно одетый и с приглаженными, хоть и распушенными волосами и, окинув странным взглядом ожидающие его омлет и оладьи, неуверенно сел за стол.

– Я не привык ко всему этому, – выдал он.

– К чему из? – с улыбкой уточнила Милена, придвигая к нему чашку зеленого чая. – Обслуга не та?

Хорт принялся за омлет и с неохотой ответил:

– Не привык бездельничать. Ты откупила меня целую неделю назад, а я только и делаю, что ем и сплю. И начинаю дуреть от этого. И мир твой чуждый, где мне вовсе нет ни места, ни применения. Это к хляби все неправильно...

Черт, уже реально прошла неделя! И она совсем не подумала о том, что бездействие и отдых для угнетенного в рабстве мужчины могут оказаться хуже тяжелого труда и пыток. Как же они по-разному мыслили и смотрели на действительность! Другой бы порадовался, что ему устроили первый за десять лет неволи отпуск и не заставляют пахать. Тем более с его-то раной! А Хорт маялся. Впрочем, это когда ты принадлежишь сам себе, праздность – в радость. А тут – изволь торчать целыми днями в крошечной каморке в ожидании неизвестно чего. Теперь и незнакомое Лжемирье добавилось.

– Ну значит, давай по-правильному, – осторожно предложила Милена. – Нам все равно придется пробыть здесь какое-то время. Будем считать, Хортинай Стайдера приехал в гости к Милене Озерской. Кстати, приятно познакомиться, – и она усмехнулась тому, как чужеродно прозвучали их полные имена рядом друг с другом. – Прогуляемся, разведемся, побеседуем. С меня культурная программа по Лжемирию, с тебя – послушное поведение. Иного предложить пока не могу. Ни ристалищ, ни каменоломен тут нету.

Хорт напряженно нахмурился, переваривая услышанное и пытаясь принять новую реальность. Давалось ему это с явным скрипом. Допив чай, он поднял глаза, все еще полные настороженности, и признался:

– Сеньора Рохос и Гаур – было куда проще. Но как пожелает Милена... *Озерская*. Говори, что нужно делать у тебя в гостях. Думаю, уж с этим я справлюсь.

Девушка невольно улыбнулась, глядя на его уже не такое холодное и непримиримое лицо и надеясь, что день, проведенный по-человечески, немного разгладит его извечную складку меж густых бровей со вздернутыми кончиками.

– Тогда собирайся. Обработаю твою рану, и пройдемся по городу. День сегодня теплый и солнечный, хоть у нас ни разу не юг.

Начало августа в Ольховинке действительно выдалось на удивление приятным и погожим. Никаких затяжных дождей и затянутого грязно-серым неба. Поэтому Милена поз-

волила себе облачиться в по-настоящему летний наряд: ярко-красную юбку чуть ниже колена и цветастую футболку без рукавов. Вопиющий внешний вид для Калитоса, но Хорту придется смириться и не с такими шмотками. Она завязала темно-русые волосы в хвост, прихватила жакет и сумочку, на автомате закинув туда шокер, и ограничилась простыми белыми кедами – единственная обувь, куда влезла ее замотанная эластичным бинтом ступня. Хорт вышел в прихожую в своей темной безрукавке со штанами, собрав по-сареймянски часть волос на затылке, и Милена поняла, что смотреть на него сегодня будут все. Ибо в таком виде в ее мире он явственно походил на статного иностранца, приехавшего на съемки исторического фильма. Пожалуй, надо прикупить ему современной одежды, чтобы уж не сильно отсвечивать. Хорт и сам глянул на ее неожиданный внешний вид, но тотчас потупился, принимаясь шнуровать ботинки.

В послеполуденный час улицы Ольховинки выглядели иначе, нежели накануне вечером. Вынырнув из подъезда, они сразу очутились среди прохожих, проезжающих машин, новых для Хорта звуков и предметов. Он поначалу напрягся и подобрался, озираясь по сторонам и, видимо, выискивая неминуемую опасность. Но, несмотря на сосредоточенно сжатые губы и прищуренные стальные глаза, шагал дальше вслед за Миленой.

Они миновали перекресток и вышли на центральную и оживленную улицу города. Хорт все же не выдержал

и на пару минут остановился, пристально вглядываясь в поток автомобилей и теряясь среди спешащих по делам и диковато одетых людей. Он проводил позабавившим Милену сердитым взглядом шумный и полный пассажиров автобус, долго и придиричливо принюхивался к запахам бензина, шин, нагретого асфальта и чужого города. И лишь спустя некоторое время кивнул, готовый идти дальше. Вокруг них неустанно крутились люди: пробежала группка молодых девиц в шортах и с телефонами в руках, проковыляла старушка с шебутными внуками на великах, обогнала парочка влюбленных, держащихся за руки, неспешно прошла женщина со шпиком на поводке. Хорт недоуменно взирал на всех этих людей, которые выглядели и вели себя не так, как в его мире.

Тут не ездили запряженные лошадьми повозки господ. Не разгуливали по аллеям дамы в длинных платьях. Не суетились бедно одетые горожане у кибиток лоточников. Здесь люди казались ему одинаково странными, о чем-то болтающими на тарабарском языке, несущими каждый сам свою поклажу диковинных форм и материалов. А главное, как бы Хорт ни всматривался, он не нашел бы ни одного человека в рабском ошейнике или кандалах.

Милена дала ему время немного освоиться и начала знакомить с тем, что они встречали на пути и что вызывало у него явственное удивление. Автобусные остановки, магазин одежды, светофор, доставщик продуктов на велосипеде,

кондиционер под окном, ребенок на беговеле, уличный фонарь, телефон в руках мужчины – все эти мелочи, на которые Милена никогда не обратила бы внимания, требовали пояснений. Хотя бы условных, ибо идентичных слов в калитосском языке попросту не существовало. И вместо того, чтобы рассказывать о центральной площади, здании драматического театра и кирпичной стене монастыря, ей пришлось разжевывать банальную базу. И то – на пальцах.

Хорт слушал с вежливым интересом, но молча. Вопросов не задавал, пытливо щурился и подолгу за чем-то наблюдал, иногда замирая на краю тротуара и задумчиво сцепляя руки за спиной. В эти моменты он походил на потерявшегося во времени и эпохе воина, который взирал на внезапно изменившийся мир и не понимал, как ему жить дальше. Он ловил на себе заинтересованные взгляды прохожих и недоумевал, почему девушки смущенно улыбаются или втихаря поднимают руки с темными блестящими пластинами, зажатыми в ладонях, и что-то ими делают. Он хмуро отворачивался, ускорял шаг и, лишь глядя на Милену, вновь с усилием расслаблялся.

Они дошли до вполне целой ольховинской крепости и поднялись по узкой каменной лестнице на высокую стену. Оттуда открывался вид на компактную площаденку, церковь и расходящиеся крест-накрест лучи улиц. Они встали у железных перил, и Хорт долго смотрел куда-то вдаль.

– А вот эту крепость построили, – произнесла Милена,

жмурясь на солнце, – когда у нас было примерно так, как сейчас в Калитосе. Здесь ездили на повозках и лошадях, мужчины носили сабли, вместо *электричества* – нашего яркого света – зажигались свечи, а дамы разгуливали в длинных платьях и чепцах. Но рабства не было.

Хорт задумчиво облокотился о перила, перебирая в пальцах сорванный где-то кленовый лист.

– Вот смотрю, – наконец, тихо заговорил он, – мир как мир. Небо на месте, деревья растут как в Сарейме, даже у этой крепости кладка понятна и добротна. А все равно чудно. И люди у вас чудные.

– Чем же? – поинтересовалась Милена. – Одеты иначе?

Хорт потер впервые не скрытое фиксатором и почти зажившее запястье.

– Одежда вторична. Каждый народ одевается по-особенному. И в Сарейме тоже другие наряды. Но не они меняют человека. Тут люди изнутри иные. Не лучше, не хуже, просто непонятно и чудно. И теперь я вижу, что ты отсюда. Ты здесь на своем месте.

– Я уже поняла, что легенда про Выюлиаж провальна, – покривилась Милена и подставила лицо под намного более мягкие лучи солнца, чем в Калитосе.

– Нет, это пустошная случайность, – передернул плечами Хорт. – То, что мой отряд единожды добрался до весьма отдаленного государства, что я знал, как выглядят выюлиажцы, и мы заговорили о твоём происхождении. Это все сов-

падения. Но я так понял, тебя беспокоит совсем иное. Хотя и не возьму в толк, как кто-то из Аскалитании может отпереть ваш хитрый замок на чудо-двери? Там и мечом рубить нет смысла.

– В том и дело, что есть и другая дверь, – посетовала Миленна, вновь упираясь в неразрешимые вопросы. – Переход, по которому мы вчера прошли, тщательно контролируется с обеих сторон. Отсюда коллегами, с кем я здесь работаю. В Аскалитании – Терсонисом и его командой. Да и обнаружился разлом в скалах чуть больше года назад. Но сюда упорно проникает кто-то еще и достаточно давно! Думаю, как воин, ты должен понимать, что соседство двух государств, чье развитие и ресурсы сильно отличаются, чревато конфликтом. А когда речь идет вообще о разных эпохах и техническом прогрессе, то война становится практически неизбежна. Мы пытаемся это предотвратить, но пока все слишком сложно.

Хорт некоторое время молчал, с трудом усваивая столь невообразимые новости. Еще бы! В одночасье обнаружить, что в пешей доступности от центра Калитоса находится какой-то волшебный переход в мир, где все непонятно, чуждо и не поддается объяснениям, – подобное непросто даже для самой крепкой психики. Он до сих пор пытался найти подвох, обман или хотя бы логику. Но он действительно видел проезжающие по асфальтированным дорогам автомобили, по-иному построенные дома, зажигающиеся лампы све-

тофора на перекрестке, а уши слышали странную музыку из расположенного под стенами крепости кафе. И это все было по-настоящему.

– Вот это... – он махнул рукой на город перед ними, – наше будущее?

– Одно из, – предположила Милена. – У нас разная география, разная история. Но однажды и ваш мир доберется примерно до такого уровня развития и прогресса. Возможно, вы пройдете этот путь намного легче и умнее нас. И сможете избежать многих ошибок, потерь и катастроф. Но связь наших миров давно установлена. И теперь важно не допустить непоправимого.

Хорт отстранился от перил и расправил плечи, посмотрев в глаза девушки внезапно похолодевшим и захлопнувшимся взглядом.

– Чего ты хочешь от меня? Скажи прямо.

Милена удивленно замаялась. Он снова ждал, что от него потребуют содействия, помощи, советов, знаний, передачи опыта. Так, как делали с ним все эти годы, угрозами и пытками пытаясь заставить его встать на сторону угнетателей. И судя по тому, что Амарантису удалось добиться его покорности, и Хорт обучал его рабов военному делу, он презирал не только господ, но и самого себя, давшего слабину, не выстоявшего перед всеми мучениями и болью. Милена серьезно посмотрела на Хорта и твердо ответила:

– Мне от тебя ничего не нужно. Я просто рассказала о том,

как вышло, что я однажды очутилась в Калитосе, а ты здесь. А чего я хочу, так это чтобы ты в итоге хотя бы один раз улыбнулся. Вот и все. Пойдем пить кофе с мороженым и кататься на лодке.

Вероятно, Хорту вообще было до космоса и на мороженое, и на лодки, но не сидеть же теперь целыми днями дома! Ожидаемо, никакой улыбки на его лице не расцвело, он продолжал то сводить брови, то напрягаться. Но последовал за девушкой без возражений.

Они прошли немного по центральной улице и свернули на засаженный березами бульвар, который вывел их на высокий берег небольшой речки Малахитки. Здесь стояла благодатная тишина и спокойствие, словно город остался далеко позади. Да и набережной это называлось с откровенной натяжкой. Крутой холм вздымался в излучине реки, мирно несущей спокойные воды далеко внизу, изгибаясь плавно и утекая в раскинувшиеся на том берегу поля и деревни. Прямо под холмом был перекинут деревянный мостик, а рядом устроена пристань с прогулочными лодками, на которых несколько парочек и компаний неспешно плавали до дальнего моста за излучиной.

А недалеко от края холма, под раскидистым дубом разместилась вполне уютная веранда при кафе, куда Милена и повела Хорта. Они уселись за один из деревянных столиков с видом на маленький сквер. Мужчина с заметным облегчением выдохнул, видимо, радуясь временной передыш-

ке в знакомстве с новым миром. Но тут же заново напрягся, едва заприметил рядом с ними пожилую чету, листающую путеводитель. Они были явными туристами, приехавшими в Ольховинку, как и многие, для осмотра местной крепости, старого Покровского монастыря и за целебной водой Весенних водопадов. Они пили облепиховый чай, ели эклеры и обсуждали недавно прошедшую экскурсию по городу. Хорт же кидал на них слишком уж настороженные и задумчивые взгляды, будто картина этой довольной пары пенсионного возраста откликнулась в нем одновременно грустью и меланхолией. Что же так его расстроило? Может, подумал о том, доведется ли самому дожить до старости и быть в состоянии беспечно проводить время на отдыхе? Очевидно же, что подобный расклад виделся ему фантастическим и невозможным.

– Ты голодный? – спросила Милена, штудирюя меню, поднесенное совсем юным официантом с модной стрижкой и пирсингом в носу.

– Я не привык есть так часто, – отказался Хорт, косясь на паренька, который с явным интересом поглядывал на него в ожидании заказа.

– *Нам два кофе и две порции ванильного мороженого, пожалуйста,* – обратилась она к официанту на русском.

Тот вежливо улыбнулся и, насвистывая в такт звучащей из динамиков ненавязчивой мелодии, упорхнул в сторону кухни.

– Почему у тебя такой настороженный вид? – спросила Милена, с облегчением расслабляя разнывшуюся от ходьбы ногу. – Это всего лишь *кафе*, место, где можно перекусить. И здесь нет ни одного врага. В том числе и жандармов.

Хорт помолчал, откинувшись на спинку стула и нервно потирая шею под затылком. Там, где у него стояло клеймо. Вероятно, жест этот и вовсе не был осознанным и говорил о крайней степени озадаченности.

– Ладно, – сердито пробурчал он, – объясни, как тут все устроено? Кто этот юноша, например? Он хозяин *кафе*? Сын кухарки? Прислуга?

– Все просто, – слегка улыбнулась Милена, отмечая, что любопытство взяло над ним верх. – Он тут работает. Принимает заказы у посетителей, приносит блюда и напитки и получает за это оплату. Примерно как работники у Терсониса. Только те еще и живут в его имении, а этот парень приходит сюда в определенные часы. Он наверняка учится где-то, но сейчас лето, у молодежи... эм-м, перерыв, вот он и подрабатывает ради кармановых... расходных денег.

– То есть он не обязан и не вынужден работать? – уточнил Хорт.

– Его никто не заставляет, если ты об этом, – кивнула Милена. – Но в целом у нас работают практически все. Получают жалование и живут на него. Как и я. Даже вон та пожилая пара вполне может еще трудиться на каких-то несложных должностях. Многие до самой старости предпочитают

занять себя полезным делом.

Хорт почему-то невесело усмехнулся, словно эти объяснения вовсе его не обрадовали, а наоборот расстроили. Паренек как раз принес им ароматно пахнущий кофе в темных пузатых чашках и украшенные лепестками мяты и ягодами черники шарики мороженого в пиалах. Хорт снова придирчиво на него глянул, отчего официант заметно смутился и выдал поспешную вежливую тираду на английском. Милена не удержалась от смешка.

– Хорт, тебя приняли за взыскательного иностранца. Не удивлюсь, если скоро принесут дополнительный десерт за счет заведения. Ты столь въедливо смотрел на парня, что теперь он наверняка ждет от тебя критики в адрес *кафе*.

– Хмарь меня ослепи... Во что я ввязался, – проворчал Хорт и осторожно отпил кофе, недоверчиво приносясь к чашке и долго перекачивая жидкость на языке.

– Что? Подожди, ты раньше никогда не пил кофе? – с досадой спохватилась Милена. – *Вот черт*, сказал бы сразу. Вдруг тебе не понравится!

Но Хорт лишь фыркнул и сделал уже более расслабленный глоток.

– В Сарейме кофе не употребляют, вот и не пробовал, – спокойно ответил он. – Это калитосский напиток. Из-за многочисленных войн у нас не налажены торговые связи.

– А что пьют в твоей стране? – полюбопытствовала Милена, понимая, что в последний год изучала исключительно

проблемы и культуру Калитоса.

– Горячие настои на травах, – сощурился Хорт. – Чем горше и крепче, тем здоровее будешь. Кто выше сословием, те заваривают цветы плодовых деревьев и некоторые листья. Элите же привозят чайные побеги из восточных стран. В основном, из Морсагуа.

– Погоди, – подалась вперед Милена, – что это за классовое разделение у вас? Я ничего об этом не слышала.

Хорт пожал плечами и не менее заинтересованно поковырял мороженое.

– А зачем тебе? Устройство Сарейма не повлияет на ваши переходы, он слишком далеко.

– Мне просто интересно, расскажи, пожалуйста, – миролюбиво попросила Милена, с трудом уловив в нем хоть какую-то расположенность к беседе о своей стране.

Тот хмыкнул и отправил в рот целый шарик мороженого, на мгновение зажмуриваясь не то от холода, не то от удовольствия. Он запил его горячим кофе и облокотился о стол.

– Я не был в Сарейме порядочное количество лет и никогда больше не попаду туда, – задумчиво произнес он. – Но не думаю, что его строй поменялся. Все сареймяне делятся на сословия. В каком из них ты родился, тем тебе и быть до конца. Если родители земледельцы, твое место на пашне. Появился на свет в кругу министров и парламентариев, изволь управлять страной и писать законы. Родился среди ле-

карей, изучай хвори и травы и лечи больных.

– А ты? – не удержалась от вопроса девушка, хоть и догадывалась, что услышит в ответ.

Хорт метнул на нее пренебрежительный взгляд, явно не перенося, когда лезли в его прошлое, но отмалчиваться не стал.

– Я родился воином. Чтобы всю жизнь сражаться с врагами. И потомки мои тоже бились бы за Сарейм. Но я не собираюсь оставлять никаких потомков. Ибо их участью станет позорное рабство, – и он с презрением указал взмахом руки на свое клеймо на шее.

Понятно. И в его мире дети раба – автоматически считаются рабами. А тем более дети клейменого невольника. Черт! Как все это неправильно, отстало, допотопно! Особенно дико звучало это здесь, на веранде современного кафе среди свободных людей! Увидь они его клеймо, они сочли бы его, скорее, следом от сведенной татуировки или наоборот – одним из видов самовыражения через шрамирование. Фрики и не такое делают! Но в мире Хорта эти идиотские следы от раскаленного железа перечеркивали всю его жизнь и будущее.

– Ладно, Хорт, не будем пока о мрачном, – вздохнула Милена, не в силах как-либо повлиять на весь этот невеселый расклад. – Пойдем лучше прокатимся на лодке. Ты умеешь грести? Эй, не смотри на меня так свирепо! Откуда я знаю! Может, воинам не пристало орудовать веслами!

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 3. Политические игры

Первый день в Ольховинке в компании Хорта прошел неожиданно ровно, спокойно и... странно. У Милены до сих пор двоилось в сознании: еще вчера вот этот сареймянин со статной фигурой, холодными стальными глазами и увязанными в хвост волосами на затылке звался бойцовым рабом Гауром, вставал перед ней на колени, изредка выдавал ядовитые реплики и яростно не желал продолжать свое унижительное существование в неволе. А уже сегодня он же, ничуть не изменившийся, разгуливал с ней по современному миру и впервые вполне по-человечески с ней разговаривал. Без дерзостей, сарказма и вызова. Хотя все еще настороженно, недоверчиво, иногда потерянно. Она и сама весь день провела в напряжении, ожидая от Хорта чего угодно. В том числе агрессии или побега. Откуда ей знать, как отреагирует его и без того изломанная психика на столь кардинальные перемены в жизни! Будучи в рабстве, он хотя бы понимал окружающий его мир. А тут раз – и его унесло вперед веков на десять в совсем чужое государство! Которое в Калитосе вообще числилось под запретом даже в беседах.

Но Хорт все же стойко держался. На его сосредоточенном лице не было и тени расслабленности или беспечности, с какой мог бы провести время с Миленой любой ее приятель или знакомый, праздно шатаясь по Ольховинке в качестве

полноправного туриста. Но мужчина ни о чем с ней не спорил, не возражал, не жаловался и вел себя вполне покладисто. Хоть порой у Милены и возникали совершенно искренние порывы прервать прогулку и отвести его домой, чтобы он смог ненадолго выдохнуть. И она тоже.

Впрочем, на лодке они прокатились весьма сносно. Несмотря на далеко не зажившую рану на боку, Хорт уверенными и размашистыми гребками направил их суденышко прочь от пристани к центру тихой Малахитки, чьи берега густо заросли ярко-желтыми кувшинками. Милена с любопытством наблюдала за четкими и спокойными движениями его рук, за чуть прищуренными на солнце глазами, за его размеренными вдохами и в душе радовалась, что ни одно из сегодняшних занятий не должно было напоминать ему о рабстве. В пару мгновений они достигли середины реки и неторопливо поплыли вдоль излучины. Хорт пробежался взглядом по соседнему берегу, где за выжженным лугом рассыпались частные дома ближайшей деревни, а за ними высилась бело-желтая башня колокольни при небольшой церквушке.

– Что это? – внезапно спросил он, кивая на строение вдалеке. – Храм ваших богов?

– Вроде того, – подтвердила Милена. – В нашей религии бог один. Правда, в трех своих ипостасях: создатель мира, его сын, родившийся на Земле во плоти, и святой дух.

– И что, всем трем надо молиться и подчиняться? – тщательно пытался хоть что-то уяснить Хорт, сосредоточенно сведя

брови. – То один, говоришь, то трое...

Милена рассмеялась, признавая путанность своих объяснений.

– Ну молятся люди просто богу. Это, скорее, обобщающее понятие. Он создал наш мир, и он сам есть этот мир. И в тебе, и во мне присутствует толика божественного замысла, его частичка. А вот подчиняться лучше законам страны. Иначе угодишь за решетку.

Хорт недоверчиво хмыкнул, и на миг весла замерли.

– Чудно как-то все... Какие во мне могут быть божественные частички? Пустошь какая-то... В тебе ладно, но я вообще не здешний.

Он сделал решительный гребок и упрямо потрянул головой, отказываясь от озвученной теории.

– Ну а в Сарейме в кого верят? – абстрактно поинтересовалась Милена, не представляя, насколько Хорт был близок или далек от вопросов религии.

Отвечать он не спешил и сперва вывел лодку за изгиб реки, где ее подхватило едва заметное течение. Он поднял весла, позволяя потоку самому нести их суденышко, и отмахнулся от назойливого комара.

– Для сареймян всем правит Дух мироздания – повелитель природы и стихии. Он дарует тепло и плодородие, он же карает тех, кто его не уважает и вредит круговороту естественных процессов. Если ты помог природе, ты накормлен, согрет, защищен и здоров. Если вмешался в его законы

неумелыми действиями – терпи лишения, голод и болезни. В общем, все понятно и логично.

– Я встречала такой подход к восприятию мира и к вере в высшие силы, – задумчиво произнесла Милена. – Он вполне объясним теми же самыми законами природы. И мне данная теория куда ближе, чем вся эта компания идолов и демонов Калитоса. Но и подобное мироустройство не ново.

Хорт криво усмехнулся и неспешно взмахнул веслами несколько раз, бесшумно развернув лодку в обратную сторону.

– А семибожие Калитоса – штука крайне удобная, особенно для господ. В чем потребность возникла, к тому и пошел на поклон. Кому здоровья, кому силы телесной, кому победы в войне, а кому земных удовольствий. А почуял неладное, беги к демонам бить челом. Дабы хвори забрали да урожай не губили. Ну а коли еще и плоти им свежей подкинуть, то наверняка будешь услышан и обласкан.

– *Черт*, не напоминай, – яростно зажмурилась на миг Милена, прогоняя из сознания неприятные картины. – Как ты вообще оказался на жертвенном алтаре? Какого демона выбрали именно тебя?!

Не то, чтобы копаться в живодерских деталях древних ритуалов сильно хотелось, но вопрос до сих пор не отпускал. Почему зарезать во славу богов Калитоса должны были отменного первосортного бойцового раба, которого на последнем состязании столь неудачно ранили? Но Хорт несколько

не разделял интереса девушки и, глянув на нее со снисходительным сарказмом, тихо протянул:

– Госпожа желала кататься, вот и давай кататься. Не стоит ворошить мое никчемное прошлое. Ты сама откупила меня от заклания, незачем теперь пустошными вопросами задаваться.

Милена прикусила язык и пообещала себе больше об этом не заговаривать. Хорт прав, не нужно возвращаться даже в беседах к тому, что уже пройдено и оставлено позади. Да, он действительно хотел смерти, но вряд ли данное решение далось ему так уж легко, коль скоро и устав воинов Сарейма не приветствовал избавление от мучений путем ухода из жизни. А значит, он дошел до той черты, когда не осталось ни сил, ни воли, ни надежды. И он уж точно не уважал себя за подобное. Пока Хорт плавно направлял лодку обратно к пристани, девушка поглядывала на него и думала о том, когда в последний раз он делал то, чего по-настоящему хотел сам? Он был взрослым, умным, явно начитанным и физически выносливым воином, он мыслил, чувствовал, сердился, о чем-то сожалел, вздыхал, тщетно чего-то ждал, вспоминал, рассуждал, уставал. Был абсолютно живым! Но давным-давно лишенным возможности хоть в чем-то выражать свои пожелания. И это чудовищно несправедливо! Милена вздохнула: ни одна прочитанная книга или увиденный фильм об эпохе рабовладения не дали ей настолько ощутить всю бездну и пучину невольничьего существова-

ния, как знакомство с одним единственным рабом Гауром.

После речной прогулки девушка решила заняться делами насущными и повела Хорта в ближайший магазин одежды. В Аскалитанию они однозначно не вернутся прямо завтра, так что пора его прилично одеть и не заставлять чувствовать себя музейным экспонатом в демонстрационном зале. Правда, большее количество заинтересованных взглядов принадлежало женской аудитории, и даже в купленных на расходные командировочные деньги синих джинсах и одной из футболок на него все равно будут с любопытством пялиться – Хорт привлекательный и видный мужчина, чего уж скрывать! В объемный бумажный пакет отправился вместе с другими футболками набор боксеров, незнакомый ему доселе предмет гардероба в виде упаковки носков, теплая толстовка на молнии и легкая ветровка. Сареймянин не возражал и молча позволил свериться с его параметрами, прежде чем ворох новой одежды перетек на кассу. Но стоило им выйти на улицу, он угрюмо пробормотал, сминая в ладони ручки пакета:

– Бойцовым рабом я приносил хозяевам доход, выходя на состязания. А тебе от меня одни расходы. От таких рабов принято избавляться. И мне самому от себя тошно.

– Перестань, – отмахнулась Милена, направляясь с ним в сторону дома. – Я же сказала тебе, что переехала в Аскалитанию не просто так, а по работе, за которую мне платят деньги, в том числе, и на текущие нужды. И в рамках работы

мне необходимо, чтобы ты был здесь приемлемо одет. Поэтому ты мне сильно облегчишь задачу, если будешь меня слушаться. А теперь предлагаю окру... завершить с прогулками на сегодня. Мы оба устали.

Она прекрасно понимала состояние Хорта. Абсолютно все, происходящее с ним в эти дни, выбивало почву из-под ног. И новая хозяйка в ее лице, не желающая нагружать никакой работой, и человеческое к нему отношение, и переход в чужой и дикий мир так называемых лжелюдей, и приобретенная для него иноземная одежда. Он и так-то давно отвык и от отдыха, и от прогулок по городу, и от неспешных бесед, и не представлял, как ему дальше жить. Ведь он-то думал, что все оборвется неделю назад на жертвенном алтаре вражеского храма. И теперь его судьба была заботой Милены. Вот же ж...

Домой они вернулись засветло, и девушка отправилась жарить котлеты с картошкой на ужин, пока Хорт, попросив зачем-то небольшой ножик, скрылся в ванной. Она заметно напряглась от его просьбы, но сочла, что вены он там точно резать не станет, и решила проявить немного доверия. И правда, через некоторое время мужчина вновь объявился на кухне с отмытым ножом, обрывками нити, зажатými в кулаке, и порядком закровившим боком под распахнутой безрукавкой. Вот таким кардинальным способом он сам снял себе швы с раны – хоть и малость рановато. Ну ладно, тем меньше хлопот Милене. И она показала, где в квартире рас-

полагалось помойное ведро.

Через полчаса спешной готовки девушка позвала Хорта к столу. Тот пришел задумчивый и рассеянный, но она заметила, как он заинтересованно потянул носом с порога кухни, явно проголодавшийся после дня на свежем воздухе. Он сразу принялся за свою порцию, не дожидаясь Милену, которая замешкалась с чаем. Видимо, и это был годами выработанный рефлекс – есть быстро и без промедлений, пока есть возможность и минута свободного времени. Заметив вновь его болезненную прищуренность, девушка спохватилась и выключила верхний свет, оставляя пару желтых ламп над столешницей. Управился с солидной порцией он весьма ловко и взял в руки горячую чашку с чаем, принюхиваясь к тонкому аромату мяты, добавленной Миленой в этот раз. Он цокнул языком, узнавая запах, и обычно суровая морщинка между бровей немного разгладилась. Вероятно, и в Сарейме пили настои с мятой.

– Ты готовишь лучше Церсении, – внезапно выдал он тихо, не глядя на Милену.

Та вскинула брови на такое заявление и невольно улыбнулась.

– Ты просто был голоден, – возразила она. – Моя мама вечно говорит мне, что я не их с папой дочь, ибо абсолютно не умею готовить. У нас в семье всегда было принято делать из каждой трапезы событие. Накрыть на стол с лучшей посудой и приборами, наготовить впрок, украсить блюдо так,

что стыдно его трогать, позвать соседей доедать. Мы с братом *Женькой* вечно с ума сходили от пафосных церемоний. Но в этом вся моя мама. Что с нее взять – жена профессора. А мне морочиться всем этим некогда, я и дома-то теперь не бываю.

Хорт слушал внимательно, но опущенный взгляд оставался меланхоличным, слегка отрешенным, и серые радужки заметно подернулись давней и знакомой ему печалью.

– Твои родители живы? – неожиданно спросил он, выпуская из ладони опустевшую чашку и отодвигая ее от себя.

– Да, вполне себе здравствуют, правда, им моя глушь не по душе, и они давно живут, скажем так, в более крупном городе.

Хорт пространно кивнул, и Милена насторожилась. Почему он задал этот вопрос? Неужели беспечной болтовней о семье она затронула какую-то очередную нежелательную тему?

– А твои? – спросила она прямо. – Как думаешь, они еще живы? Их можно разыскать?

Хорт отрицательно мотнул головой.

– Сомневаюсь. Мне было девять, когда отец не вернулся из последнего боя. Он или погиб, или его захватили в плен. Что означает одно и то же. В любом случае, следов его не нашли. А мать, ежели и жива, то ненадолго.

– В смысле? – удивилась Милена, совершенно не понимая, что он имеет в виду.

Хорт саркастично усмехнулся и, наконец, посмотрел ей в глаза. Милене почудилось, что усталости на его лице было в разы больше, чем грусти и сожаления.

– Дозволенная продолжительность жизни в Сарейме – шестьдесят лет, – спокойно выдал он, словно сообщал прогноз погоды на завтра. – Считается, что дальше человек ничем не полезен обществу и только расходует ресурсы Духа мироздания, отпущенные другим его сынам. Поэтому все, кто достигают этого возраста, изгоняются из Сарейма навечно. И отправляются в Застежье, где, как каждому известно, не выжить. Там они находят свою смерть, и их души соединяются с Духом. Обычно выдворение происходит вполне добровольно. Вера и в моей стране весьма сильна. Кажется, матери осталось немногим больше года.

Милена поджала губы и несколько мгновений молча обдумывала услышанное. Ей более чем хватало рабства в Калитосе для полной картины варварского общества того мира, а теперь выясняется, что и Сарейм ничуть не лучше. Как так? Взять и по сути утилизировать всех ненужных граждан, которые еще даже не стали стариками или немощными? Только потому что они уже не могут трудиться столь же эффективно, как молодые?! Что такое шестьдесят! Зато какая экономия со стороны государства! Ни лечить их не нужно, ни кормить, ни развлекать. Выставил за ворота страны, отправил пинком в край голых скал и неприветливых ветров подыхать от голода, и взятки гладки! Черт! С подобным отноше-

нием к людям и Сарейм не сможет стать добрым соседом ее собственной стране. Милена надрывно выдохнула, с унынием представляя, как поведает эту прекрасную историю своему начальнику. Вот Андрей Степанович обрадуется... А так не хотелось его расстраивать еще и этим!

Видимо, Хорт пристально наблюдал за ней, ибо строго свел брови и настойчиво произнес:

– Да не бери в голову, я же сказал: Сарейм в самом деле далеко. Наши традиции на твоем мире никак не отразятся.

– Да я, признаться, не представляю, с какой стороны ждать подвоха! – с досадой покривилась Милена и встала налить себе еще чаю. – Те, кто отыскал другой переход в мой мир, упорно приносят сюда предметы быта. Вопрос, взамен на что? Не по доброте же душевной. Мы тоже можем стать для вас угрозой, если они берут отсюда опасные вещи. Например, наше оружие. У нас тут, знаешь ли, уже не мечами машут.

– Это логично, – передернул плечами Хорт, немало не тревожась от описанной ею картины. – Я бы тоже брал оружие. Тем более, ежели оно эффективнее мечей да луков.

– Еще как эффективнее! – невесело покивала Милена и привалилась бедром к столешнице, отпивая горячий чай. – Нажал на рычажок, и полгорода в руинах. Или нажал на другой, и люди массово мрут от неизвестной болезни.

Вздернутый кончик мужской брови скакнул вверх, и Хорт задумчиво прищурился.

– Я не знаю, кто нашел переход в ваш мир, – рассеянно провел он пальцами по столу, – но предполагаю, кому такое оружие точно бы пригодилось.

– Жандармерии? – уточнила Милена, вспоминая их недавнюю беседу. – Ты же сказал, что они спят и видят установление военной диктатуры.

– В смысле спят? – замялся Хорт, и девушка с мученическим выдохом отмахнулась: она опять взялась за подстрочник. – Нет, жандармы и без волшебного оружия вполне уверены в своих ресурсах. В столице собрано приличное их количество, они удержали бы власть длительное время собственными силами без проблем.

– Ну тогда кто? Может быть, сеньор Амарантис? – Милена задала этот вопрос с осторожностью, но весьма настойчиво, ибо сей непонятный персонаж никак не давал расслабиться. – Ты обучал целую сотню его рабов военному делу. Но так и не сказал зачем. Хотя я уверена, что ты знаешь об истинных целях Евгариса.

Хорт несколько минут молчал, не шевелясь, принципиально не демонстрируя своих эмоций и задумчиво глядя мимо девушки, будто она упомянула безликого молочника из лавочки на рыночной площади, а вовсе не его бывшего хозяина, к которому мужчина относился с крайней неприязнью. И лишь по тому, как нервно подрагивали крылья его носа, можно было различить истинные эмоции, бурлящие глубоко внутри.

– Я не знаю, я всего-то предполагаю, – наконец, отозвался Хорт, с трудом уступив и решив в этот раз поведать чуть больше. – У сеньора Амарантиса солидные долги. Он за пять лет изрядно промотал состояние, доставшееся от отца, и остановиться не способен. Поэтому натренированный не на праздные состязания, а на настоящую битву и военную тактику отряд бойцовых рабов – это единственный козырь Амарантиса. Ведь всегда есть те, кому такая сила может пригодиться. Например, для захвата власти.

– Что? – насторожилась Милена, возвращаясь к столу и присаживаясь на стул. – Но ты же только что сам сказал: жандармерии ничья помощь не нужна! И чужое оружие тоже.

– А я не говорил, что они единственные хотят править в Калитосе, – с легкой усмешкой бросил Хорт. – Жандармы не стали бы ни с кем кооперироваться: военные не терпят чужого вмешательства в свои дела. Ищи среди господ. Уверен, ты и без меня знаешь имя того, кто мог нацелиться на трон.

– Погоди, какой еще трон? – взмолилась Милена, окончательно запутавшись в рассуждениях Хорта. – Монархия была упразднена в Калитосе больше семидесяти лет назад. А в нынешнем Сенате и парламенте и так присутствует порядочное количество избираемых сеньоров. Кто еще хочет туда пробраться силовыми методами?

– А разве ж стать частью Сената – это власть? – недобро протянул Хорт, сузив стальные глаза. – Нет, тот, кто к ней

рвется, не станет оглядываться на мнение остальных. Он желает сам, единолично принимать все решения. Поэтому и жаждет возврата к монархии и упразднения системы выборного Сената. А такое голыми руками не провернешь. Посему и нужно готовое войско для подавления возможных восстаний. А тут и ты удачно подвернулась. Тактическая схема почти идеальна, я готов кланяться.

Милена проморгалась и кашлянула. Вот это поворотец... Она не знала точно, что именно сейчас ввело ее в большой ступор: озвученные сведения или то, что на самом деле знал этот Хорт?

– Так, давай-ка по порядку, – по-деловому подалась она вперед. – При чем здесь я?!

– Да просто ж все, – нахмурился он, явно не разделяя ее недоумения. – Сеньор Рохос давно выступает против рабовладения, это вся столица знает. Но ты приобрела меня, и это отличный повод скомпрометировать сенатора. В том нападении позавчера меня собирались обвинить в заговоре с наемниками, мужа твоего – в пособничестве беспределу среди рабов. Еще пара мятежей, и у жандармерии появился бы шанс показательно подавить волнения и установить столь возжеленную военную диктатуру. И тот, кто жаждет взобраться на трон, охотно бы им это позволил. Потом несколько спланированных диверсий, дискредитация действий военных, какое-нибудь вопиющее убийство среди господ якобы руками жандармов. И вот уже весь Калитос охвачен смутой,

волнениями и страхом. И вызывает к тому, кто спасет народ от дальнейших мятежей, насилия и погромов своей единоличной волей.

Ну и сценарий! Милена откинулась на спинку стула и задумалась. Рассуждения Хорта казались весьма здравыми, логичными, хоть и описывали какую-то многослойную схему правительственных интриг. Впрочем, чего еще ждать от условно средневекового общества, которое относительно недавно созрело для выборной власти? Даже странно, что целых семьдесят лет им удалось прожить без госпереворотов. Разумеется, бунты и локальные взбрыки отдельных сеньоров, судя по выдержкам из исторических книг, периодически происходили, но на общественном строе никак не отражались. А тут вполне хитрая многоходовочка подоспела! Если, конечно, Хорт не ошибался, и если можно верить его словам. Впрочем, первую часть цепочки совсем недавно они тоже обсуждали с Терсонисом. И вот наконец она сдвинулась дальше на несколько тревожных звеньев.

– А теперь главный вопрос, – со вздохом подытожила Милена. – Кому понадобилось допускать до власти жандармерию, чтобы потом ее свергнуть и призвать калитоссцев совершить откат к монархии? Кто мог подобное спланировать?

– Ну как кто, – бессовестно закатил глаза Хорт, не понимая, почему девушка до сих пор не догадалась сама. – Потомок монаршей династии, конечно же.

– И? – приподняла брови Милена, разводя руками и по-

казывая, что была не в теме.

Черт, она изучала законы и рабство, лжелюдей и описания сражений, но не сильно погружалась в тему родственных связей почти вековой давности. Все же поиск контактера стоял у нее в приоритете.

– Вот не возьму в толк, госпожа, – иронично выгнул уголки губ Хорт. – Это ты читала в хранилище книги об истории Калитоса или бойцовый раб из Сарейма?

Милена недовольно скривилась, признавая справедливость упреков.

– Я успела изучить далеко не все, к сожалению. Так что если ты знаешь имя, буду весьма признательна.

– Сеньор Балиди, – кратко ответил Хорт. – Именно он является дальним потомком древней монаршей династии Калитоса.

Продио Балиди?! Вот черти... Не зря он ей не нравился! И если подобные поползновения первого советника по внешней политике – это правда, то ситуация складывалась откровенно паршивая... Милена подавленно вздохнула, пытаясь обмозговать полученную информацию и утрясти в голове новую схему взаимодействия ее участников.

– А что взамен помощи получит в данном случае Амарантис? – уточнила она, возвращаясь к началу и сосредоточенно постукивая пальцами по обеденному столу.

– Оплату долгов, разумеется, – презрительно фыркнул Хорт. – Ну и дальнейшее устройство всех финансовых дел.

Ибо сестрица сеньора Амарантиса рассчитывает на брак с сеньором Балиди.

– Что? – не менее презрительно сощурилась Милена. – Эта малолетняя выскочка, которая жестоко с тобой обращалась? За Балиди, годящегося ей в отцы? Даже не знаю, кого жалеть больше...

– А ты не жалеяй, – холодно отозвался Хорт, отводя взор и снова заметно леденея. – Стать женой монарха – лакомая кость. Ради этого можно пойти на многое. Правда, сеньор Балиди еще не знает, что вместо юной девы заполучит опасную гадину. Ну да и хлябью им дорога...

Ненадолго в кухне воцарилась тишина. Милена, тоже уткнувшись взглядом в стол, против воли подумала о тех изощренных пытках, которыми Десмания мучила Хорта, наслаждаясь его физической болью, моральными унижениями и нездоровым удовольствием, что испытывала от извращенного совокупления с тем, кого месяц за месяцем ломала и подчиняла. И впервые почувствовала злорадство, нарисовав себе на месте Хорта напыщенного сеньора Балиди, которого никогда в жизни не били, ничего не заставляли делать и не позволяли в его адрес ни одного неверного слова. Но даже ради торжества справедливости никакого восхождения на трон этого самодовольного советника допустить нельзя.

Она уже хотела было что-нибудь ответить, как внезапно в дверь квартиры настойчиво постучали.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 4. Никогда не расслабляйся

Милена настороженно подобралась и запоздало поняла: стучать в дверь с кнопкой звонка мог только один человек. О неизбежной встрече с которым она совсем забыла!

– Сиди, это свои, – сказала она наострившемуся Хорту и пошла в прихожую впустить гостя.

И правда, на пороге она увидела одетого в самый неприличный и простой сюртук Терсониса, который нервно барабанил пальцами по косяку и был явно чем-то недоволен. Ну конечно, сердится, что она не дождалась его возвращения вчера и приняла весьма серьезные решения без его ведома. Но в конце концов!

– Заходи, – поприветствовала его Милена, закрывая за ним дверь. – Что-то случилось, раз ты такой сердитый? Какие-то неприятности в Аскалитании?

Терсонис стянул с рук перчатки и скинул сюртук, оставаясь в белой батистовой рубашке и тонкосуконном жилете вкупе с черными брюками. Каждый раз посещая Ольховинку, он одевался, аки на север, будто здесь его ждали не августовские плюс двадцать два, а в половину меньше.

– Это лучше ты мне скажи, дорогая *напарница* Милена, нет ли у тебя неприятностей! – сдержанно ответил он и бросил подозрительный взгляд на стоящие у стены ботинки Хорта.

– Кроме того, что мы вынуждены торчать здесь, других неприятностей нет, – пожала плечами Милена, не собираясь делать проблему вселенской важности из-за возвращения в свой мир не одной.

– Мы! – ожидаемо поддел Терсонис. – И где этот твой Гаур?

Милена молча указала рукой на кухню и последовала за напарником, который раздраженно направился в едва освещенное лампами над столешницей помещение и остановился у порога. Хорт, не задавая никаких вопросов, поднялся на ноги и почтительно склонил голову, привычно заложив руки за спину.

– Превосходно, – процедил Терсонис, придирчиво вглядываясь в Хорта, но обращаясь к девушке. – Я рад, что ты цела и невредима.

– А что со мной могло тут приключиться? – начала терять терпение Милена. – Вчера мы с тобой все обсудили, и ты сам отправил меня в Ольховинку, хотя, возможно, были и иные выходы из ситуации. Чем теперь ты недоволен?

– Вот именно, – повернулся к ней Терсонис. – Мы говорили о тебе, а не о вас обоих! О том, что ты провела через переход еще и Гаура, ты соизволила сообщить мне не лично, а в записке! Тогда как я обо всем уже договорился с сеньором Химентисом и был вынужден потом с ним объясняться.

– Прости, Терсон, но я сочла твое предложение не самым оптимальным. Хорту у сеньора Химентиса грозила не мень-

шая опасность, чем мне в твоём имении. А раз я взялась отвечать за его судьбу, то и не собираюсь отказываться от ответственности!

– Уже Хорт! – иронично отметил Терсонис, более внимательно оглядывая застывшего мужчину. – Что еще успело поменяться за прошедшие сутки, о чем я узнаю, конечно же, последним?

– А в чем, собственно, проблема, Терсон? – возмущенно скрестила руки на груди девушка, опираясь о столешницу бедром. – Я вполне способна отвечать за свои решения. Хочешь поговорить об этом – присаживайся, и мы все обсудим. Только не нужно так себя вести, словно Хорт – неодушевленный предмет!

– Госпожа, не надо, – угрюмо, но спокойно отозвался сареймянин, настойчиво поцокав языком. – Сеньор Рохос, вы вправе переживать и сердиться, но я не собирался ни причинять вред вашей супруге, ни вести себя недостойно или неуважительно. У меня нет причин относиться к ней непочтительно. Ни в Аскалитании, ни здесь. Ежели надо, я вернусь обратно тотчас же.

Терсонис недоверчиво сжал губы и подошел к Хорту ближе, пристально глядя на его склоненное лицо.

– Я сержусь на Милену, – назидательно отчеканил он, – ибо она не изволит согласовывать со мной свои действия. И я бы предпочел, чтобы здесь не появлялись посторонние! Я ничего не имею против тебя лично, Гаур, но, в то же время,

у меня нет оснований доверять тебе в этом вопросе!

– Сеньор Рохос, я бы не посмел! – с вызовом выплюнул Хорт, вскидывая голову и окатывая сенатора вмиг заледеневшим взглядом. – Я, конечно, для вас лишь раб. Но я не скотина!

– Откуда мне знать, что у тебя на уме? – ничуть не смутился Терсонис, сводя вместе аккуратные брови. – Насколько обстоятельно ты был осведомлен о том, куда ведет тебя хозяйка, прежде чем попасть в чужой мир? Сколько непоправимых ошибок ты мог бы наделать? Например, попытаться сбежать! Ты не представляешь, насколько это серьезно! Проклятые боги Деоса, Милена! Ты во все посвятила бойцового раба?! И привела его вот сюда, в твой дом?

Судя по заметно раздувающимся ноздрям напряженного Хорта, Милена с досадой поняла, что беседа съехала не туда. Каждый говорил о своем, и если их сейчас не остановить, они все окажутся в крайне неприятной и неловкой ситуации!

– Прекрати немедленно, Терсон! – повысила голос Милена и решительно встала между мужчинами. – Сядьте: ты сюда, а ты туда, и помолчите пару минут!

Терсонис кинул еще один возмущенный и уничижительный взгляд на Хорта и нехотя подошел к обеденному столу, располагаясь на выдвинутом со скрежетом стуле и закидывая ногу на ногу. Сареймянин же упрямо медлил, не осмеливаясь усугубить дело и садиться в присутствии и без того рассерженного сеньора, но Милена настойчиво указала ему

на стул напротив. Когда и он подчинился, девушка сделала долгий выдох.

– Значит так. Терсон, я понимаю, ты волновался, но ты загибаешь палку. Эм-м... Преувеличиваешь! Это мой мир, мой дом и мои решения, за которые я полностью отвечаю. Мне, в конце концов, не пять лет. Да, я привела в Ольховинку Хорта, потому что сочла это единственно верным шагом. И за прошедшие сутки у нас тут не возникло никаких проблем. Мы мирно прогулялись по городу, покатались на лодке и вполне дружелюбно побеседовали. Как видишь, город цел, мы тоже. А главное, на нас никто не пытался напасть! Хорт! – она повернулась к нему. – Терсонис не ревновал и не имел в виду, что ты непременно захочешь причинить мне вред или обидеть, оставшись со мной наедине. Он переживает за переход между мирами и за его секретность. Ты останешься здесь. И если вы оба продолжите спорить, из дома сбегу я!

– Демоны преисподней, – скрипнул зубами сенатор, наконец, догадавшийся о причинах столь яростных реплик Хорта. – При чем тут ревность... Я действительно беспокоюсь о твоей безопасности и о переходе!

– Вы правы, сеньор Рохос, – подал голос Хорт, продолжая глядеть в стол с очевидной непримиримостью. – Бойцовый раб в чужом мире мог наворотить чего угодно. Да и с беззащитной девушкой расправиться или поглумиться – запросто. И у вас не может быть причин доверять мне. Но знайте: сареймянскому воину не пристало вести себя подло и недо-

стойно. А я неплохо помню свои корни и устав.

– В таком случае запомни еще кое-что, – чуть более успокоено отозвался Терсонис. – Я готов прислушиваться к словам бывшего воина вплоть до того момента, пока он не нарушает грань дозволенного. А теперь буду благодарен, если ты оставишь нас с Миленой вдвоем. Нам нужно поговорить.

Хорт молча поднялся со стула и неслышной поступью удалился в комнату, закрыв за собой дверь.

– *Черт*, Терсонис, что на тебя нашло? – устало упрекнула его Милена, присаживаясь за стол и потеряв виски. – Устроил вопиюще некрасивую отповедь! Хорт вовсе не мальчишка, чтобы с ним так разговаривать. Да и я не настолько беспомощна и учитываю все риски.

– Я понимаю, – подавленно оправдался Терсонис, явно сдвинувшись и сожалея о своей сиюминутной несдержанности. – Но и ты меня пойми. Твоя записка явилась для меня полной неожиданностью. Я уже просто не знал, откуда ждать беды. Плюс я прекрасно осознаю, что вся опасность, которой ты подверглась в Аскалитании, навалилась исключительно из-за меня. Моя многолетняя борьба с рабовладением и жертвоприношением, давние и успешные попытки храмовника Даустоса расправиться с моей семьей, теперь нападения на мою супругу в твоём лице – все это не должно тебя затрагивать! И ты переехала в Аскалитанию совершенно с другими целями. Когда я прочел, что о связи наших миров узнал еще и Гаур, которого ты столь внезапно забрала

с собой, я не представлял, что мне делать!

– Слушай, ну всякие политические интриги существовали в любые времена и эпохи, – примирительно отозвалась Милена, искренне сочувствуя напарнику. – Я и не ждала, что мое пребывание в Аскалитании пройдет гладко. Касательно же Гаура... Постарайся звать его по имени, он ведь такой же человек, как и мы. Тем более в мире, где не существует рабских кличек. Так вот, Хорт на удивление стойко перенес знакомство с Ольховинкой. Я не оправдываю его и предпочитаю быть настороже, но все же пока поводов плохо о нем думать он не давал.

– Ладно, Хорт так Хорт, – махнул рукой Терсонис, и девушка заметила, насколько утомленным и взвинченным он на самом деле был. – Ты же известишь обо всем этом сеньора Захарова? Мы вроде условились, что любой калитоссец в России должен быть поставлен на учет.

– Хорт не калитоссец, а сареймянин, – мягко поправила его Милена. – Андрея Степановича я уведомя завтра же. Но мне хотелось бы понимать, на сколько мы здесь задержимся. Поэтому лучше расскажи, что там происходит в Аскалитании.

Терсонис нервно пригладил волосы и коротко вздохнул.

– Ничего позитивного. Сегодня утром на заседании Сената я поставил ребром вопрос о творящемся безобразии: второе нападение на мою жену за неделю – это возмутительно! Разумеется, вновь всплыла тема участия в этом всем... Хор-

та. Его обвинить куда проще, чем искать истинных зачинщиков. Но я тотчас же закрыл сей вопрос и настоял на тщательном расследовании данного преступления жандармерией. К сожалению, никаких следов не найдено. Даустос больше не объявлялся, но я уверен, что он снова попытается как-то на тебя воздействовать. И я пока не могу гарантировать тебе безопасность в Аскалитании. Я расставил скрытую охрану по имению, и по исходу прошедшей ночи мне донесли о нескольких подозрительных людях, шатавшихся вокруг ограды. Я жду, когда они предпримут очередную попытку нападения и всячески поддерживаю идею среди господ о том, что ты находишься на летней вилле и приходишь в себя после инцидента.

Милена недовольно дернула носом. Как все не вовремя! Она должна быть там и продолжать работу! Искать контактера, помогать Терсонису! А не прятаться в своей квартире за надежно перегороженным стальной дверью переходом между мирами.

– Кстати, о господах, – подошла к еще одной невеселой теме Милена. – Мы тут побеседовали с Хортом о ваших прекрасных сеньорах. И он рассказал мне уйму любопытного. Будешь чай? Кофе? Или тебе погреть ужин? Заодно поделись информацией.

Терсонис растерянно моргнул и пространно взмахнул ладонью.

– Я не голоден, но от кофе бы не отказался.

И Милена взялась за турку, параллельно пересказывая напарнику поведенное сареймянином. Терсонис слушал внимательно, кивал и мрачнел с каждой минутой все больше. Получив чашку дымящегося и ароматного кофе, он долго и неторопливо отпивал его маленькими глотками и молчал, выстраивая в голове какие-то сложные и инженерно несовершенные конструкции.

– Демоны преисподней! – подытожил он нехотя. – Я давно и тщательно наблюдал за сеньором Балиди, но, признаться, не относился серьезно к его происхождению. Я знаю, что он тесно общается с храмовником Даустосом да и в целом щедро отписывает средства на развитие Пантеона. Думаю, и от храмов он получает взамен определенную выгоду и поддержку. Все его предложения как советника так или иначе затрагивают интересы нашей религии, когда речь идет о взаимодействии с соседними странами. Но желать вернуть Калитос к монаршему строю и самому занять трон... Ты уверена, что этот твой Хорт не нафантазировал для красного словца, дабы впечатлить чрезмерно добрую и наивную хозяйку?

Милена презрительно фыркнула, удобно устроившись с ногами на соседнем стуле.

– Не делай из меня беспомощную овечку. Хорт не утверждал, он лишь высказал свои соображения, исходя из услышанного от сеньора Амарантиса. И тренировка им войска вполне вписывается в данную схему. Будь это Балиди или кто-то иной – есть товар, есть предложение. Евгарис облада-

ет силой в лице рабов, а кто-то очень нуждается в этой силе. Ну, явно не для возделывания у себя на угодьях дополнительных грядок артишоков. В любом случае, я охотно верю в возможный государственный переворот, который может готовиться прямо у вас под носом. И все это, как ты понимаешь, заставляет меня нервничать за мой мир еще больше. Если сюда таскается хоть кто-то из фигурантов подобных махинаций, то перепадет и нам.

Терсонис не по-сенаторски выругался себе под нос и яростно потер переносицу.

– Ты права, это крайне опасный расклад, – нервно кивнул он. – А если в перевороте действительно замешан советник Балиди, наше положение незавидно. Он крайне влиятельный человек. За ним стоит слишком внушительная цепочка доносчиков, охранников и соглядатаев. С ним так просто не потягаться, даже зная его вероятные шаги наперед. Какими силами мы смогли бы остановить этот процесс на любом из его этапов? Кого мы противопоставим жандармерии или весу советника по внешней политике? Разве что...

– Что? – в ожидании прищурилась Милена.

– Можно использовать войско рабов сеньора Амарантиса в наших целях, а не в его.

– Как ты себе это представляешь? – с усмешкой отмахнулась девушка от вновь всплывшей идеи о сотне невольников. – Это его рабы, и слушаться они будут своего хозяина, а не нас!

– Они слушаются еще и Хорта, – абсолютно серьезно посмотрел на нее Терсонис, в глазах которого загорелся огонек. – Если все устроить правильно, он мог бы повести их не на подмогу сеньору Балиди, а наоборот для его контроля. А помимо этого доказать обществу, что войско, составленное из рабов, способно нести обществу мир и порядок, а не погромы и мятежи. Остальным невольникам они стали бы хорошим примером и ориентиром. Ты сама давеча об этом мне говорила. Мы бы могли с их помощью не только не допустить отката к монархии, но и наладить диалог с рабами, донести до них важность и пользу наемного труда.

Милена слушала Терсониса с все больше нарастающим зудом и тревогой, ибо такой вполне себе разумный и складный план может стать гиблым для Хорта. И ее напарник уж больно назойливо вцепился в этот расклад.

– Терсон, как именно Хорт окажется во главе отряда рабов сеньора Амарантиса? Ты же понимаешь, что это означает? Что его придется продать обратно.

– Если это станет единственно возможным вариантом, – развел руками Терсонис, – и если сам Хорт согласится нам посодействовать, не вижу проблемы в данном шаге.

Милена недовольно побарабанила пальцами по столу и решила быть откровенной до конца.

– Боюсь, у Хорта нет ни одного повода соглашаться. Ты же знаешь, что у Евгариса есть сестрица?

– Десмания? – неуверенно предположил Терсонис. – Я ма-

ло где встречал эту сеньору. А что с ней не ладно?

– Ну, скажем так, она циничная садистка и сексуальная извращенка, – поджала губы Милена. – Я с ней пересеклась на площади у книжного хранилища и многое успела увидеть и услышать. И если Евгарис выставял Хорта на состязания в «Элиниосе», то вот Десмания намеренно мучила этого мужчину, унижала его и черт знает что еще с ним творила. В том числе и в эротическом плане. И ей он нужен в качестве игрушки не меньше, чем брату для заработка на боях. Я бы на месте Хорта не рвалась обратно к Амарантисам.

Терсонис ошарашенно и несколько сконфуженно отвел взгляд, видимо, непривыкший к такой прямоте в столь щекотливых вопросах, и растерянно запустил пальцы в волосы.

– Хорошо, не будем забегать вперед. На данный момент наша задача выяснить, прав ли Хорт в своих предположениях касательно отката к монархии. А дальше будем думать. Все равно чем-то да придется жертвовать.

– Ну конечно! – с упреком поддела его Милена. – Почему бы не пожертвовать одним безвольным рабом ради дела! Без дома, без отчизны, без права на свободу! Пусть пойдет в расход!

– Если бы я мог, – тихо и твердо возразил Терсонис, – я бы сам отправился к Амарантисам договариваться с их рабами. Но проблема в том, что для них я никто. Впрочем, пока это не актуально. Давай решать вопросы постепенно. А теперь я пойду, пожалуй. Завтра раннее заседание в Сенате, а мне

еще необходимо подготовить уйму документов...

И Терсонис, допив одним махом остатки кофе, засоби́рался обратно в Аскалитанию.

Проводив его и заперев дверь, Милена поняла, что находится в неприятном раздрае. Она лишилась возможности продолжать участие в миссии в Аскалитании на совершенно неопределенный срок. В то же время именно там могли развернуться весьма дурные события с чертовым госпереворотом, если, конечно, Хорт не ошибался в своих рассуждениях. Он мог знать далеко не все. Или же снова не все поведать. Был бы переход в ее мир в единственном экземпляре! Насколько бы стало проще! Запер, замуровал – и живи спокойно! Но нет же! А вдруг об Ольховинке знал тот же Балиди? Да это же его идеальный шанс использовать современные ресурсы в собственных интересах! И как его тогда побороть, если в его руках окажется, например, огнестрельное оружие из ольховинского охотничьего магазина?

А вот об участии Хорта думать вообще не хотелось. По крайней мере в схеме, озвученной Терсонисом. Ну как так: взять и швырнуть его обратно к ногам мучителей? После всего, что Милена так или иначе старалась для него сделать! Показать ему Ольховинку, где он впервые за долгие десять лет смог вздохнуть чуть свободнее и спокойнее, а потом вернуть алчному Евгарису, выгонявшему его на бои каждые две недели, и этой ненормальной девице! Да его в момент закуют в кандалы и упекут в подземелье, привычно вздергивая

на цепь и готова хлысты да раскаленные прутья! Бррр!

Милена настолько задумалась, что не заметила, как на пороге кухни появился Хорт. Лишь когда он тихо кашлянул, девушка вопросительно подняла голову.

– Я не хочу здесь оставаться, в твоём мире, и создавать тебе проблемы, – внезапно глухо произнес он. – Отведи меня обратно в Аскалитанию. Мое место там.

Милена нахмурилась и поднялась из-за стола, вглядываясь в холодные и решительные глаза, в которых отражался слабый свет ламп над столешницей.

– Хорт, если ты о тех словах, что наговорил тут Терсонис...

– Сеньор Рохос прав, – прервал ее сареймянин. – Ты и в имении не должна была оставлять меня на вилле рядом с собой. А здесь кроме нас вообще никого больше нет, в этой твоей... *квартире*. Какой муж станет терпеть подобное? Я чужой человек. Я бойцовый раб, способный свернуть тебе шею одним движением руки, если бы пожелал. Я мужчина, в конце концов! Будь я на месте сеньора Рохоса, я бы запер купленного раба в бараке да приставил к нему охрану. Но я зачем-то оказался вот тут. И не хочу быть причиной ваших ссор.

Милена сделала долгий выдох. Пожалуй, пора прояснить сложившуюся ситуацию, иначе Хорт и дальше продолжит терзаться пустыми мыслями. Все равно он уже действительно здесь и имеет право знать некоторые детали.

– Пойдем-ка со мной, я тебе кое-что покажу и расскажу.

Хорт с сомнением помедлил, но все же кивнул и последовал за ней в ее спальню, где Милена зажгла настольную лампу и достала из ящика комода папку с документами.

– Присядь и ознакомься, – сказала она, указывая ему на стул. – Здесь на калитосском, ты все поймешь. Это договор, подписанный полгода назад между нашей группой под началом моего руководителя Андрея Захарова и командой Терсониса. В нем указаны детали миссии, которую мы должны реализовать: плавное и безопасное знакомство наших двух миров. И Терсонис мне не муж. Он значится им исключительно номинально для того, чтобы я могла официально находиться в Аскалитании и что-либо предпринимать. Он мой товарищ по работе. И как товарищ он, конечно, переживает за меня. Но не более. Ссориться из-за твоего присутствия у меня дома мы точно не станем. И да, пока не вижу причин, по которым ты решил бы сворачивать мне шею, особенно находясь на чужой территории. Как ты сам сказал.

Хорт дернул кончиком вздернутой брови от услышанного и, присев за стол, принялся медленно читать текст договора, сосредоточенно хмурясь и осторожно переворачивая страницы. Лицо его стало настороженным и напряженным, и стальные глаза по несколько раз пробегались по отдельным строкам. В конце он с недоверием прищурился и почему-то долго разглядывал подпись начальника Захарова, проведя по ней подушечкой пальца. Но потом тряхнул головой

и закрыл папку.

Сделав шумный вдох, он некоторое время рассеянно смотрел на поверхность стола и, наконец, медленно перевел взор на ждущую Милену.

– Я не стану сворачивать шею госпоже, это против моих правил, – кивнул он, поднявшись на ноги. – Но ты не должна была так легко в это поверить. Ведь я мог сделать это сотни раз. Хочешь оставаться в живых, не доверяй никому. Даже мне.

Милена с недоумением воззрилась на него.

– По какой причине, интересно?

Хорт усмехнулся и сощурился.

– Чтобы никогда не расслабляться. Позволь?

И он внезапно протянул ей раскрытую ладонь. Милена удивленно посмотрела на нее, не понимая, к чему он клонит, и подала руку в ответ. Опять, что ли, какие-то сареймянские традиции? Хорт сжал ее кисть деликатно, но крепко, обхватывая за запястье и проводя большим пальцем по ее коже. А дальше он коротко выдохнул и совершенно неожиданно с силой дернул девушку на себя, разворачивая спиной и заламывая ее вторую руку так, что она за какую-то секунду оказалась в железном захвате и смогла лишь удивленно ахнуть. Еще миг, и он ногой выбил опору из-под ее ног, и Милена беспомощно повисла в его руках, больно упираясь горлом в сгиб мужского локтя.

– Никогда не расслабляйся, госпожа, – прошептал он на-

стойчиво ей в ухо. – Вот так я мог напасть на тебя в первый же день. Несмотря на стражников. Несмотря на бесовьи раны. И впредь ты должна думать о подобном, прежде чем снимать оковы с незнакомого тебе раба.

Он осторожно поставил ее на ноги и медленно освободил из захвата, предусмотрительно отходя на шаг. Милена, судорожно дыша от плеснувшего по крови адреналина, затравленно развернулась к Хорту. Черт! Как легко она попала! А ведь она была уверена, что в любой момент успеет дотянуться до кармана с шокером и отбиться от всякого нападающего! Хотя какой карман! Дома шокер вообще валялся на прикроватной тумбочке. Но ему-то она уже доверяла! Впрочем, не слишком ли поспешно?..

– Хорошо, я поняла тебя, – наконец, произнесла Милена раздосадовано. – Я не буду расслабляться. Даже с тобой. Но я не бойцовый раб. Меня никто не учил таким вот приемам.

Хорт поцокал языком и назидательно скрестил пальцы, используя какой-то привычный сареймянский жест.

– Моли своего троеликого бога, чтобы оно тебе не пригложилось.

– Как знать... – задумчиво пробормотала Милена.

Хорт кратко склонил голову и бесшумно удалился в отведенную ему спальню. А Милена еще долго смотрела в распахнутое окно и потирала запястье, на котором проступили легкие красные следы от мужских пальцев. Уже во второй раз.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 5. Не влезай мне в душу

Милена проснулась пораньше и с неудовольствием поняла, что сегодня им с Хортом предстоит поход в сектор: пора было документально зафиксировать присутствие иномирца в Ольховинке. Спасибо Андрею Степановичу за все проведенные полгода назад переговоры с соответствующими местными органами, результатом чего явилось официальное разрешение на нахождение в ее мире ограниченного числа товарищей из Калитоса. Ну, теперь не только из Калитоса. Во избежание неприятностей Хорту лучше обжиться соответствующей справочкой. Мало ли... Да и кипу рукописного текста по фразеологизмам и идиомам вместе с таинственным письмом от Терсониса нужно передать Вике. Эх, так сама Милена и не засела за изучение тонкостей калитосского языка! Может, попросить сделать ей ксерокопию и держать ее рядом с блокнотом? Да нет, к черту! Как-то же ее понимают!

Милена направилась в ванную, но через открытую дверь в гостевую спальню заметила, что Хорт уже не спал и сидел одетый на подоконнике, рассеянно глядя в окно. При ее появлении он обернулся и вопросительно посмотрел, явно не зная, что сказать.

– Доброе утро, Хорт. Сейчас позавтракаем и поедем по делам. Тебе придется кое с кем познакомиться, но от тебя ничего сложного не потребуется. Просто слушайся меня.

Мужчина молча кивнул и, не дождавшись иных распоряжений, вновь уставился в окно. Милена хмыкнула и пошла заниматься утренними делами. Сегодня он был очевидно не расположен к разговорам. Может, накануне для него оказалось слишком много новой информации? Знакомство с чужим миром, беседы о Сарейме, рассуждения о политике Калитоса, неприятная отповедь Терсониса. И то, каким способом он указал девушке на ее беспечность и доверчивость. До сих пор она ощущала на своем теле фантом его бескомпромиссной хватки и той силы, которая таилась в каждом его четком движении. Он действительно мог запросто ее убить в любой момент пребывания на вилле. Но... Они оба до сих пор целы.

Милена наскоро сварила кашу, добавив в порцию Хорта кусочки ветчины, и позвала его к столу. Но и за завтраком он не проронил больше пары слов, односложно отвечая на редкие реплики девушки. Ладно, пожалуй, немного помолчать тоже полезно. В конце концов, они не закадычные друзья, чтобы беспечно трепаться за столом. Она попросила его одеться в купленное накануне и быть готовым через полчаса.

Хорт честно натянул джинсы и серую футболку, в этот раз оставив волосы распущенными по плечам. И надо сказать, стал выглядеть необычно. Милена настолько привыкла к его средневековому образу в местной одежде, что теперь весь этот осовремененный облик вызывал желание при-

дирчиво сощуриться и задаться вопросом: а это и правда Хортинай Стайдера? Статная фигура в типичных для Ольховинки вещах казалась почти обычной, но диссонировала с иноземным смуглым лицом, хмурым взглядом воина, со всем неместной манерой склонять голову, от которой Хорт вряд ли избавится в ближайшее время. Ладно, это все равно не так бросается в глаза, как хлопковая безрукавка на тесемках! Милена же надела сдержанное бежевое платье до колена с короткими рукавами и рискнула нацепить вполне русские босоножки: нога постепенно заживала, и не было резона наматывать слои бинта.

– Сейчас мы должны проехать на большой повозке, – сообщила Милена, направляясь с Хортом в сторону остановки общественного транспорта. – Это *автобус*, он перевозит сразу много людей и быстро доставит нас до места моей работы – *филиала*. Ничего не опасайся.

Хорт пожал плечами и окинул взором оживленную улицу. – *Автобус*, значит, *автобус*. Я не из пугливых.

Ну вот, он точно скоро будет шпарить по-русски!

Хорт уже не напрягался при виде проезжающих машин и, заходя с Миленой в подошедший автобус, с легким любопытством заозирался по сторонам и задумчиво провел ладонью по глянцевому пластиковому поручню. Они сели в конце салона, и он придирчиво изучил остальных пассажиров, словно они являлись лазутчиками из вражеского стана. Но никто не обращал на него особого внимания, и он, в конце концов,

смог нормально расслабиться, едва заметно выдохнув.

До Новоольховинского района они добрались быстро и молча, и Милена не стала нарушать комфортную для обоих тишину. Видимо, к исходу вчерашнего дня лимит на слова у Хорта закончился. Он проследовал за ней в здание филиала, и вовсе опустив взгляд и не желая быть замеченным таким большим количеством людей, сконцентрированных в одном помещении. Стоило им переступить порог, и Милена практически ощутила волну дискомфорта, исходящую от мужчины. Ну вот, автобус ему, значит, легко дался, а в антропологическом секторе сразу гаурья шкура наружу полезла, укрывая, защищая броней от любого контакта с чужаками.

Девушка поприветствовала взмахом руки придиричивого вахтера и знакомых ей коллег, прошествовавших по коридору, и решительно направилась к кабинету руководителя. Но тот оказался заперт.

– Милена! Что, по душу Андрея Степановича стучишься? – окликнула ее возникшая за спиной Вика. – Его сегодня нет и не ожидается. Ой, простите, у нас гости...

Да, наметанный глаз Вики легко вычислил в Хорте иномирца, и даже странно, что она не зарядила с ходу какую-нибудь витиевато-вежливую фразочку на калитосском, а просто с интересом поглядывала на него в ожидании ответа от Милены.

– А куда это наш гроза филиала подевался? – удивилась

та, совершенно выпав не только из событий рабочей жизни, но и из дней недели. – *Вроде сегодня пятница?*

– *Он еще вчера уехал в Заокск на внеплановую конференцию, – отчиталась Вика. – Раньше понедельника быть не обещал. А что ты хотела? Может, я помогу?*

– *Да, пожалуй, – согласилась Милена. – Мне нужно зарегистрировать в системе иномирца. Заполнишь побыстренько на него анкету? Не хочу его без справки оставлять надолго.*

И она указала взглядом на Хорта.

– *Да без проблем, – взмахнула рукой Вика и кивнула на свой кабинет. – Пошли ко мне, там поспокойнее.*

Внутри небольшого и светлого помещения действительно было тихо и комфортно, и Милена порадовалась, что они скрылись от любознательных коллег.

– С радостью приветствую вас в нашем мире, сеньор, – радушно и доброжелательно произнесла Вика на весьма натурально прозвучавшем калитосском и предложила им присесть напротив ее стола. – Как я могу к вам обращаться?

– Хорт, – коротко ответил тот и, помедлив, все же опустился на стул, внимательно наблюдая за реакцией Вики и ничуть не удивившись ее более чистому произношению.

– Очень приятно, сеньор Хорт, – вежливо пропела Вика и поправила светлые кудряшки, сегодня ничем не завязанные. – А я Виктория. Когда-то мы сидели с Миленой в одном кабинете, но вот уже несколько месяцев она живет и трудится в вашем южном мире! Я задам вам пару вопросов для

заполнения необходимого документа и выдам справку, подтверждающую ваше абсолютно законное нахождение на территории Ольховинки. Чай, кофе?

И она вопросительно улыбнулась.

Хорт задумчиво нахмурился и пространно передернул плечами. Вся эта обходительность явно была ему в напряг. То ли он ждал какого-то иного отношения к себе, то ли просто встал не с той ноги.

– *Вика, сделай нам два кофе, пожалуйста,* – пришла на помощь Милена по-русски. – *Мы заскочили ненадолго.*

– *Разумеется,* – потянулась к стоящей рядом кофемашине коллега. – *Ты же знаешь, у меня все на раз-два-три.*

Когда ароматные чашки задымились перед Миленой и Хортом, Вика уселась за компьютер и застрочила по клавиатуре.

– *Так, что тут у нас,* – она взгляделась в документ и вновь перешла на калитосский. – Назовите, пожалуйста, ваше полное имя, сеньор Хорт.

Тот помедлил пару мгновений и нехотя ответил:

– Хортинай Стайдера.

– Отлично, – забарабанила Вика по кнопкам. – Ваше происхождение?

– Сарейм, стольный град Исслей.

– Ого, так вы не калитоссец?! – оторвалась от экрана Вика. – А я разговариваю с вами на неродном языке! Я просто сареймянского не знаю... совсем...

– Я десять лет прожил в Калитосе и отлично вас понимаю, госпожа, – беспечно отозвался Хорт, на что Вика слегка ошарашенно глянула на Милену, но тут же собралась.

– Ваш возраст?

– Тридцать шесть, – скупой выдал он, словно у него спрашивали ненужную ерунду.

– Ваш род занятий, сеньор Стайдера?

Повисла непродолжительная пауза, и Милена, чувствуя неловкость, поспешно произнесла:

– А мы можем пропустить этот пункт? Не думаю, что это обязательно указывать.

– Отчего же? – внезапно усмехнулся Хорт и с прищуром посмотрел на Вику. – Записывайте, госпожа: бойцовый раб.

Та на миг застыла с четко прорисовавшимся, но тактично не озвученным долгим «О-о-о», с искренним недоумением пробегая голубыми глазами по всему внешнему облику Хорта и безуспешно пытаясь сопоставить услышанное заявление и увиденную картинку. Тему рабства Вика отчаянно не переносила. И подобные книги в детстве, в отличие от Милены, предпочитала обходить стороной, зачитываясь историями об аристократии и географических открытиях. Судя по всему, представший перед ней раб во плоти пошатнул некоторые ее нетленные установки о том, что невольники должны быть грязными, замученными и чуть ли не со слезами на глазах.

Вика несколько смутилась от выражения лица Хорта, ко-

торый смотрел на нее спокойно, но с настороженным ожиданием, очевидно не зная, как в этом мире люди реагировали на статус раба. Коллега, наконец, отмерла и протянула ему ладонь.

– Сеньор Стайдера, позвольте пожать вам руку и выразить почтение вашему мужеству! Поздравляю с тем, что здесь вы свободны!

Хорт в недоумении вздернул брови, и Милене пришлось пихнуть его в здоровый бок, дабы тот протянул в ответ руку для вежливого пожатия. Черт, надо было предупредить, что в ее мире сей жест считался обиденным и нормальным.

– Вик, Хорт не привык к пристальному вниманию, – пояснила Милена, которой эти расшаркивания сильно не нравились.

– Простите! – стушевалась Вика и потянулась к кофемашине заварить чашечку и себе. – Я никак не ожидала лично встретиться с тем, кого угнетали в Калитосе. Надеюсь, сеньор Стайдера, вы туда больше не вернетесь. Бойцовый раб – звучит очень унижительно... Хотя я в этом и не сильно разбираюсь.

– Так все легко, госпожа, – с неким сарказмом протянул Хорт, ничуть не боясь обозначенной темы и, наоборот, нездорово оживившись. – Бойцовый раб призван продемонстрировать публике свою технику боя, дерясь с другими рабами. И либо он побеждает, принося прибыль хозяину, либо калечится или вовсе умирает. Пустошь, да и только...

Вика сочувственно сложила брови домиком, явно представив себе уже более привычный образ раба и беззвучно повторив за ним это его необычное «пустошь», и вернулась к заполнению анкеты. Хорт же вновь утратил интерес к происходящему и залпом выпил свою чашку кофе, даже не моргнув глазом. Похоже, он действительно встал сегодня не с той ноги...

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился один из коллег Милены – Кирилл из отдела коммуникаций. Извечно встрепанный, замороченный бесконечными звонками то археологам, то городским службам, то в самую столичную академию наук, постоянно одетый в мятые брюки и однотипные футболки. Он, почти не глядя, залетел в помещение с какой-то кипой бумаг, пахнувших химической краской принтера, и сгрудил ее на столе Вики, будто она занималась в секторе не вопросами языковедения, а выступала начальником овощного склада на приемке.

– *Доброго всем дня,* – скороговоркой пробубнил Кирилл и на автомате протянул руку Хорту для приветствия.

Пинать сареймянина пришлось во второй раз, ибо он и не думал отвечать на рукопожатие, сочтя его, видимо, абсолютно неуместным для себя. Но после настойчивого шипения Милены все же с недоумением сжал ладонь Кирилла.

– *Ты просила притащить тебе копии выписок из архива,* – сумбурно отчитался коллега, торопливо оглядывая присутствующих. – *Я притащил. А можно и мне кофе?*

Вика сурово свела бровки, никогда не терпящая столь бесцеремонного отношения к себе на рабочем месте, и строго проговорила:

– *У нас иномирские гости, Кирилл, ты немного не вовремя.*

– А-а, ясно, – он более осмысленно повернулся к Хорту и попытался изобразить на постоянно замороченном лице воодушевленное дружелюбие. – Велкам ту Раша!

Милена не сдержала улыбки и поспешила прояснить ситуацию:

– *Он не знает английского, можешь не стараться.* Хорт, – обратилась она к нему на калитосском, – тебе сказали: добро пожаловать в нашу страну.

Кирилл досадливо крикнул, сокрушаясь, что никто не оценил его попытку быть вежливым и так же суетливо выскочил из кабинета. Хорт же и вовсе не отреагировал на кипиш вокруг себя, но девушка заметила, как он упорно и стремительно начал захлопываться еще больше. Словно все эти рукопожатия, приветствия, учтивые обращения и будничные беседы выбивали почву из-под его ног куда сильнее, нежели окрики, взмахи хлыстом и грубые приказы. Он давно отвык от всего естественного и человеческого, и Милена в очередной раз с грустью поняла: из такого психологического состояния выплывать до нормы можно годами.

Справку Вика и правда выписала шустро, передав ее Хорту, и разительно оживилась, стоило Милене вручить ей до-

кументы по калитосскому языку. Вот же неугомонная особа! Ей бы только в тонкостях речевых оборотов ковыряться! На личное письмо от Терсониса она посмотрела с нескрываемым любопытством и пообещала скоро написать ответ.

– Хорошего вам дня, сеньор Стайдера! Обязательно посетите Весенние водопады! – прощепетала она на прощание, но Хорт ограничился лишь вежливым наклоном головы, несколько не воодушевившись никакими водопадами.

Спасибо, руки за спину не заложил!

Когда Милена вышла с Хортом на улицу, она поняла, что до сих пор испытывает тяготящий дискомфорт. Ох уж эта гаурья шкура, которая периодически переползала тяжелым краем и на ее совсем не воинское плечо...

– Ты не против, если мы немного прогуляемся? – спросила она, не желая снова лезть в душный автобус.

Хорт с сомнением оглядел ее с ног до головы и уточнил:

– А ты дойдешь? Или мне потом придется нести тебя до дома?

Милена не удержалась от смешка, хоть и не была уверена, что он реально шутил, настолько суровым он сейчас казался.

– Не переживай, Хорт, моей ноге сегодня в разы легче. Да и погода пока стоит слишком хорошая, чтобы торчать дома. На водопады я тебя не потащу, не бойся. Вика просто старалась быть гостеприимной.

– Вика? – переспросил Хорт с непониманием, подстраиваясь под шаг девушки и сворачивая вместе с ней на длин-

ную пустынную улицу, которая вела в Ольховинку.

– Виктория, Вика, – пояснила Милена. – Ты же тоже не для всех Хортинай.

– Да я уже ни для кого не Хортинай, – бросил странное тот – то ли ей, то ли себе, уставившись в асфальт и мало интересуясь окружающим их пейзажем.

Ох, как же разительно сегодня просел его настрой! Только вчера он вполне адекватно прогуливался с ней по городу, рассуждал об истории, культуре, вере и даже о своих родителях. А сегодня будто подменили. Наверняка, поход в филиал пришелся ему не по душе – незнакомые люди, интерес, вопросы. Все вызывало в нем настороженность, напряжение, ожидание неизведанного. И он имел полное право не желать довериться ей. Ведь это означало расслабиться, а воин вряд ли приучен к такому в стане пусть и не врагов, но точно чужаков.

– Главное, – рискнула высказать свое мнение Милена, – кем являешься ты для самого себя. И я все же надеюсь, Хортиная Стайдеру ты в себе не утратил до конца.

На это Хорт презрительно фыркнул, будто услышал нелепую и крайне неудачную шуточку.

– Госпожа, кажется, совсем позабыла, что и бойцовый раб Гаур, и капитан конной гвардии Хортинай – это всего лишь убийца. Я убивал и на ристалище, и на поле боя.

Его глаза наполнились привычным стальным холодом и отчуждением, но он так их и не поднял. Милена подав-

ленно вздохнула. Конечно же, он убивал. Он был вынужден. Сперва сражаясь за родину на войне. Потом борясь за собственную жизнь в «Элиниосе». Но прозвучало это до невозможности неправильно.

– Хорт, я всего этого и не забывала. Зря ты пытаешься меня шокировать подобным. Только для меня убийца – это совершенно другое. Это вовсе не тот, кто защищает свои земли и жизнь.

В ответ Хорт зло рассмеялся и, приостановившись, с силой потер шею поверх клейма, словно оно начало нестерпимо зудеть, а потом развернулся к Милене.

– Ты вчера спрашивала меня, как я оказался на алтарном жертвеннике Пантеона, – недобро прищурился он. – Ты сама-то как думаешь – почему?

– Не знаю, – пожала плечами Милена, кожей ощущая очень нехорошие причины. – Евгарис Амарантис сказал, что храмовник Даустос выбрал тебя для жертвоприношения и лишил его хозяйских прав перед последним состязанием. А в конце забрал тебя с ристалища.

Хорт расплылся в довольном оскале, услышав знакомую песенку. И Милена затаила дыхание. Становилось ясно, что правда была абсолютно иной.

– Я вышел чистым победителем в том самом состязании, – произнес он вкрадчиво и снисходительно. – Обычно это означает, что все противники бойцового раба мертвы, а его хозяин получает внушительный барыш. Да вот вме-

сто мешка золота Амарантис огреб изъятие купчей на меня, а я был отправлен в особое подземелье Пантеона. И знаешь почему? В тот день я грубо нарушил правила боя. Я добил тех противников, которые сдались и просили пощады, а это запрещено уставом ристалища. Я должен был оставить их в живых. Но не стал. Я убил их всех. Ибо только так мог гарантированно добиться собственной казни. Вот кто такой Хортинай.

Глаза его бурлили яростью, вызовом, презрением и к угнетателям, и к самому себе, и к той позорной роли, которую он сыграл на ристалище, находясь у последней черты отчаяния и ненависти к поработителям. Теперь картинка сложилась во внятный и весьма мрачный орнамент. Хорт сам спровоцировал устроителей состязаний и сделал все, чтобы его сочли достойным казни за нарушение правил. Так вот что имела в виду Десмания, когда сказала о своих догадках касательно плана Хорта. Она наверняка рассчитывала, что он, как и всегда до этого, вернется с боя в ее подземелье, а он взбунтовался! Единственно доступным, хоть и столь страшным способом постарался избавиться от рабства. Так и не смог за все эти годы вырваться на волю, пытаясь упорно и неоднократно, вот и попробовал сбежать в мир иной. И то – не вышло. Милена сделала долгий выдох и прямо посмотрела в лицо Хорту.

– Не пытайся казаться хуже, чем ты есть. Это твоя жизнь, и ты один можешь решать, как ею распоряжаться. Если ты

видел для себя такой выход, значит, он был правильным на тот момент. Не мне судить тебя за эти убийства. Ты для меня просто Хорт. Такой же человек, как и я. Только со своей судьбой.

Мужчина долго не отвечал, дыша поверхностно и нервно и прожигая ее каким-то болезненным взглядом. А потом глухо произнес, впервые обращаясь к ней по имени:

– Я никто, Милена. Я всего лишь раб.

Она хотела возразить, но удержалась, уловив, что он сказал не все. Она терпеливо ждала, стоя с ним посреди улицы и напряженно вглядываясь в его постепенно стихающий пожар в глазах, сморгнувших последние капли ярости и снова замкнувшихся.

– Просто не влезай мне в душу, – почти сквозь зубы завершил свою мысль Хорт.

Милена сделала долгий вдох и тоже отвела взгляд. Кажется, это была самая яркая его откровенность за минувшие дни, которая далась ему нелегко. И от осознания того, что у него на сердце творился кавардак от всех перемен в его жизни и, в первую очередь, от ее участия и заботы, Милене стало не по себе. Скажи он «Не лезь мне в душу», она сочла бы, что затрагивает недопустимые личные темы и задаст ненужные вопросы. Но «Не влезай» прозвучало слишком откровенно. Оно было не о том. Или же Милена ни черта больше не понимала в тонкостях иностранных языков, будь они прокляты!

Она легко коснулась его руки, возвращая в реальность, и сказала:

– Пойдем. У нас еще есть кое-какие дела на сегодня.

Хорт кивнул и молча последовал за ней.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 6. Урок бойцового раба

За всю дорогу до центра Ольховинки Хорт не проронил ни слова. И Милена не стала препятствовать его явному желанию замкнуться в себе наглухо. Ее лишь расстраивало, что все сложилось так скверно: вместо чувства безопасности и хотя бы непродолжительной передышки в его невеселой подневольной жизни он получил совсем обратный результат. По какой-то причине именно теперь, когда он никому ничего не был должен, он очевидно ощущал себя еще больше никем, чем в Калитосе.

Милена такого не ожидала. Она опасалась какой угодно реакции Хорта на ее мир, чей прогресс ушел на десяток веков вперед. Думала, что многое из увиденного и встреченного воспримется им как огромная опасность, с которой нужно сражаться пускай и голыми руками. Ну на крайняк была готова к уйме вопросов и даже к просьбе оставить его в квартире в покое и не заставлять шататься по чужому и угрожающему городу. Но вот это все Хорта как раз мало заботило. Он принял ее мир молча, настороженно и практически равнодушно.

А свободу свою не принял.

Что же заставляло его чувствовать себя никем? Еще вчера они впервые спокойно беседовали на разные темы, подобно добрым знакомым на приятной прогулке. А теперь Хорт

ясно дал понять, что любые и вполне человеческие попытки Милены быть гостеприимной, вежливой и внимательной к нему бьют по заглубленным, но до сих пор чувствительным шрамам на душе. А ощущать себя уязвимым он не желал от слова совсем.

Хорт шагал по дороге вместе с Миленой и, в то же время, постоянно оставался за ее плечом, словно подчеркивал тем самым, что ничего для него не изменилось. Госпожа идет впереди, бойцовый раб – следует за ней, куда укажут. Хотелось то ли поговорить с ним и убедить, что в Ольховинке он и правда может быть с ней на равных, то ли отругать его за демонстративное смирение. Но всякий раз Милена себя одергивала. Ибо в их диалоге нет правых. Хорт видит жизнь совершенно с другого ракурса, и он, как это ни печально, вполне логичен и обоснован. Сареймянин действительно номинально несвободен, он действительно убивал людей, будучи и воином, и рабом, и он не нуждался ни в каком внимании и участии. Он всегда справлялся сам.

И все же Милене было досадно, что так неплохо завязавшийся вчера контакт сегодня пошел прахом. И что ей теперь делать? Запереть его в квартире на все оставшиеся дни – как в Аскалитании, только без стражника под дверью? Или таскать по городу за собой безмолвным пуделем в надежде, что рано или поздно он оттает и попривыкнет к реалиям свободного общества? Настроение от подобных вопросов скатывалось вниз, и Милена, скрипнув зубами, подавленно зашагала

в сторону отделения банка.

Пока она получала новую карту, дожидавшуюся ее уже три недели, и переоформляла давний вклад, Хорт бездумно сидел на кожаном диванчике под кондиционером, безучастный ко всему. Но и когда они снова вышли на улицу, Милена не представляла, что же делать дальше. Вернуться домой и разойтись по комнатам до ужина, который очевидно пройдет в молчании? Она погрузилась в невеселые мысли и бесцельно побрела по тротуару, уставившись себе под ноги, прямо как Хорт. И когда он внезапно заговорил, девушка невольно вздрогнула.

– Ты голодна? – спросил он, щурясь на послеобеденном солнце.

– А? Что? – растерянно пробормотала она, с трудом выплывая в реальность.

– Кажется, госпоже пора перекусить, – констатировал Хорт, приглядываясь к ее лицу. – Ты вся бледная.

– *Черт*, – ругнулась Милена, тряхнув головой. – Пожалуй, ты прав. Пойдем что-нибудь съедим.

Хорт сделал ей знак рукой идти вперед, и Милена огляделась по сторонам, пытаясь сообразить, где они вообще находились и где лучше пообедать.

– Слушай, – спонтанно решила она, – как насчет того, чтобы купить с собой *шаурму*... эм-м... такую лепешку с мясом и овощами внутри и посидеть на том берегу Малахитки, где за мостом заброшенный луг?

– Как пожелает госпожа.

На сей раз привычная для Хорта фраза прозвучала без иронии, и одобрения в ней было чуть больше, чем безразличия.

Они нашли фургончик, где готовили лучшую в городе шаурму, сложили ароматные свертки и пару бутылочек с квасом в пакет и направились к реке. Тропка спускалась к деревянному мосту, который вывел их на противоположный пологий берег, где с одной стороны тянулись тихие улочки с частными деревенскими домами, а с другой раскинулся заросший разнотравьем луг. Сейчас он пестрел выжженными на солнце стеблями, пах санным дурманом и звучал нестройным шелестом кузнечиков.

Они прошли немного по лугу и расположились на давно лежащем там бревне рядом с берегом под старой березой. Только когда Милена развернула шаурму, она поняла, насколько проголодалась. Хорт на удивление довольно хмыкнул, откусив приличный кусок, и скользнул задумчивым взглядом по водной глади. Милена посматривала на него время от времени и тщетно пыталась понять, о чем же он думал в тот момент, где витали его мысли, которыми он не собирался делиться. Легкий ветерок растрепал ему волосы, и он недовольно поморщил нос, смахивая прядь со лба.

Хорт первым расправился с шаурмой и глотнул квас, с удивлением пробуя его на вкус и тщательно принюхиваясь, будто в бутылке плескалось магическое зелье, способ-

ное превратить его то ли в жабу, то ли в розового единорога. Милена улыбнулась и ждала какой-нибудь вопрос об этом чудо-напитке. Но он все так же безмолвствовал, спустя пару мгновений полностью утратив интерес к квасу. И девушка с грустью тоже устала на реку. Психолог из нее паршивый, и пора признать, что она решительно не понимала, как дальше общаться с этим мужчиной.

– Пустошь, госпожа, – внезапно со вздохом произнес Хорт. – Я не имел в виду, что мы должны теперь постоянно молчать.

Милена озадаченно повернула к нему голову.

– Но именно это ты делал последние два часа.

Хорт досадливо потер, видимо, все еще ноющее запястье и пространно ответил:

– Я размышлял.

Милена выгнула бровь.

– Поведаеть, или это запретное?

– Да так, о всяком, – чуть нахмурился он, отставляя опустевшую бутылку на землю. – Например, о том, что с тобой делать.

Милена аж поперхнулась от подобной формулировки, настолько неожиданно она прозвучала в устах Хорта.

– Что со мной делать?! – удивленно переспросила она, с сомнением припоминая о количестве градусов в квасе. – Я что-то упустила, сеньор Стайдера?

– Боюсь, да, – на полном серьезе ответил тот, бросая

на нее сосредоточенный взгляд. — Рано или поздно ты вернешься в Калитос и снова станешь удобной мишенью для политических игр.

— Спасибо за напоминание, — невесело покривилась Милена. — Но ты же понимаешь, что мое возвращение неизбежно. И я умею за себя постоять, в конце концов!

— Ну да, — Хорт иронично выгнул уголки губ. — Жандарма во время обысков ты сразила, наемника, намеревавшегося тебя задушить, на удивление — тоже. А от моей руки пала бы за полминуты. Я оценил вчера твою беспечность.

— *Черт*, Хорт! — вспыхнула Милена. — Мы вроде условились, что ты мне шею не сворачиваешь!

— А разве я один такой? — требовательно спросил он, поглядывая на нее с укоризной. — В следующий раз наемники окажутся опытнее и хитрее, и что тогда? Чем ты хоть вооружена? Ибо в кару богов лично я не верю.

Милена помялась и достала из сумочки электрошокер.

— Вот эта штука бьет *током*, — попыталась пояснить она. — Той сильной энергией, что питает наши лампы, которые тебе не нравятся. Достаточно непродолжительного прикосновения, и человек испытывает сильную мышечную боль, полный паралич тела и теряет сознание на весьма долгое время, вплоть до получаса. Этим *шокером* я и сразила жандарма и наемника.

Хорт сощурился и с некоторой опаской взял в руки непонятный для себя предмет, внимательно осматривая его

и проводя пальцем по деталям. Видимо, все, что не походило на меч или минимум на охотничий нож, вызывало в нем лишь презрение и недоверие.

– Могут быть случаи, когда ты не успеешь *шокером* воспользоваться, – мрачно изрек он и вернул оружие девушке.

– Например, как вчера? – с неудовольствием подсказала Милена и пихнула шокер в сумочку.

– Верно, – кивнул Хорт. – Поднимайся, госпожа, покажу тебе кое-что.

– Ты мне проведешь тренировку? Прямо сейчас? – удивилась девушка, с сомнением оглядывая свое совсем не подходящее для этого мероприятия платье и вставая вслед за ним с бревна.

– В упражнениях нет смысла, – возразил он. – Ты должна была бы тренироваться несколько месяцев ежедневно, дабы что-то усвоить и обрести форму. Так, пара уловок. Может, пригодятся.

Милена ошарашенно проморгалась, удивляясь столь разительной щедрости Хорта, который полдня до этого упорно отмалчивался. Ладно, уроки бойцового раба ей явно не помешают.

Сареймянин меж тем встал напротив нее на расстоянии пары шагов в спокойную и расслабленную позу и слегка прищурился на солнце.

– Начнем с простого, – произнес он. – Попытайся дотронуться до меня.

– Что? – Милена не поверила услышанному и рассмеялась. – Но это же элементарно. Давай задание посерьезнее!

И она хотела слегка толкнуть его в плечо, но Хорт моментально увернулся, уходя от контакта. Милена посерьезнела и уже более сосредоточенно посмотрела на него. Тот даже не напрягался и лишь пытливо следил за ней глазами. Девушка вновь сделала шаг к нему, желая ухватить за руку, но он вмиг отстранился. Да что ж такое! И она ринулась в атаку. Но в ту же секунду Хорт вообще оказался у нее за спиной.

– Ты проиграла, – беспечно заявил он и скрестил руки на груди.

Милена развернулась к нему, радуясь, что сейчас он не хватал ее поучительно в тиски. Но досада не отпускала.

– Хорошо, это оказалось нелегко, – признала она, нетерпеливо кусая губу. – В чем секрет?

– В твоем взгляде, – бесстрастно отозвался Хорт. – Ты смотрела туда, куда хотела дотянуться. И краткого мига хватит, дабы понять траекторию. Если желаешь знать, куда будет бить неопытный противник, следи за его взором. А чтобы не выдать собственные намерения, смотри исключительно ему в глаза. Теперь поменяемся.

Милена не на шутку разволновалась, предвидя неизбежное поражение. Она неосознанно пригнулась и принялась внимательно наблюдать за лицом Хорта. Но тот как назло практически приклеился к ее глазам, не демонстрируя абсо-

лютно никаких эмоций. Его молниеносное движение стало для Милены неожиданностью, и мужская рука легко коснулась ее талии, тогда как она успела лишь вздрогнуть. Хорт снова отошел на шаг и призвал ее к готовности. Во второй раз она рефлекторно дернулась, отскакивая в сторону, и... наткнулась на оказавшегося аккурат перед ней сареймянина.

– Ты опять проиграла, – без зазрения совести подтвердил он, отступая назад. – Но, надеюсь, принцип ты поняла.

– Более чем, – скрипнула зубами Милена. – Думаю, усложнять уже смысла нет, я не справилась даже с ерундой.

– Как раз наоборот, – настойчиво уверил ее Хорт. – Уловка вторая. Представь наихудшую ситуацию: тебя схватили и обездвигили. Твои руки и ноги связаны, ты лежишь на земле. Твои действия?

Милена задумалась. Много ли сделаешь в таком состоянии? Но коль скоро Хорт спрашивал, то наверняка знал верный ответ.

– Ползу гусеницей к выходу? – хихикнула Милена, представив себе эту картину.

– Там заперто, – парировал Хорт. – И более того, твой похититель подошел с неизвестными намерениями.

– Уж лучше было смотреть в глаза, – обреченно процедила Милена. – Ладно, что мне остается? Плунуть ему в рожу? Прибьет, да и неэффективно. Укусить? Выбьет зубы. Ударить его головой? Боюсь, сама себе лоб прошибу.

– Думай, госпожа, – настаивал Хорт. – Чем еще ты можешь

обороняться?

– Да ничем, если меня связали, – воскликнула девушка, разводя руками.

Хорт укоризненно поцокал языком и внезапно опустился на траву.

– Когда тебя всего-то связали, считай, ты во всеоружии. Беззащитной ты станешь, если тебя распнут на цепях или веревках и подвешат над землей, чтобы ты не имела даже опоры. Но такого с тобой точно делать не станут. Поэтому всегда используй любую лазейку. Подойди поближе ко мне и не бойся. Ты изобразишь похитителя. Я буду двигаться очень медленно, просто наблюдай за тем, что именно я делаю.

Милена кивнула, и Хорт улегся на землю полубоком, сцепив руки за спиной и соединив ноги вместе. От этой позы у девушки неприятно кольнуло в сердце. Сколько раз ему приходилось вот так же валяться у ног своих мучителей, будучи по-настоящему связанным и избитым? Сколько раз он пытался выбраться или применить тот трюк, который собирался ей показать? Сколько раз его потом за это жестоко наказывали, так и не давая обрести свободу? Милена сглотнула и погнала мрачные мысли прочь воображаемой метлой.

Хорт между тем, как и обещал, медленно перекатился прямо к ней, повернувшись спиной, и так же медленно согнул ноги. Еще миг, и легкий толчок ботинками сзади под коленями заставил Милену покачнуться и ахнуть. Ударь он

по-настоящему, девушка полетела бы через него вперед носом.

– Все поняла? – спросил Хорт и неспешно встал с земли, отряхивая сухие травинки с джинсов. – Ежели ты можешь хоть как-то двигаться, твое тело и есть твое оружие. Даже с учетом разных весовых категорий и физической подготовки.

– Да, я поняла, – заверила Милена сокрушенно. – Главное не поддаваться панике и отчаянию, внимательно следить за врагом и использовать свое тело как оружие. Ну, пока не распыли.

– Тебе это не грозит, забудь, – уверенно отрезал Хорт. – С женщинами так не поступают. Тем более с сеньорами.

– Твоими бы устами да мед пить... – на автомате отозвалась Милена.

– Какой такой мед? – с легкой усмешкой уточнил Хорт и поднял пакет из-под шаурмы. – Опять загадками говоришь, госпожа.

– *Да черт...* Ладно, не важно, – отмахнулась Милена. – Спасибо за советы и проведенный урок. Но с чего вдруг ты решил поделиться опытом? Это вроде не в твоих интересах.

– Не хочу лишиться столь необычной хозяйки и быть проданным в девятый раз, – пространно отшутился он и вновь замкнулся.

Но теперь – Милена четко это видела – броня задраилась не до конца.

И пока они возвращались домой, Хорт задал еще один вопрос, который значительно ослабил звенящее напряжение между ними:

– А что означает *черт*? А то ты повторяешь это слово постоянно, но не соизволила перевести мне, как *квартиру, автобус, шаурму и ток с шокером*.

– А чего ругательства-то переводить? – с улыбкой возразила Милена. – По факту это демон. А по сути – ну, как твоя хмарь или хлябь. Или чем ты там выражаешься. А, морок, вот!

– Запомнила же... – проворчал себе под нос Хорт и кивнул, видимо записав на подкорку очередное русское слово.

Не самое, правда, лучшее.

Вечер еще не начался, когда они вернулись домой с продуктами. Милена собиралась подумать о том, что готовить на ужин, как пикинул мобильник. Сообщение от Вики.

«Милена, моя мама с утра отчалила к сестре в Заокск на несколько дней, и я решила пожарить шашлыки в саду. Может, придете вместе с сеньором Стайдерой? А то я долго думала про рабов, и мне до сих пор не по себе. Расценивай это как акт гостеприимства. Может, сеньор Рохос появится в Ольховинке, тогда пусть тоже приходит, я все равно не успела написать ему ответ. Лично будет удобнее переговорить. Если мое предложение уместно, жду вас всех у себя к семи. Ну или когда сможете. Напиши, я все приготовлю».

Милена покрутила в руке телефон и прикинула в уме воз-

возможные неприятности от данной затеи. Но вроде ничего плохого случиться не должно. Да и Хорту не помешает провести этот вечер не в очередном затворничестве в спальне, а на свежем воздухе. Терсонису она оставит записку у перехода, чтобы он сразу направлялся к Вике, если соизволит посетить ее мир сегодня. Напарник ничего конкретного накануне не обещал. Ну, значит, ужин можно не готовить.

– Хорт, – остановилась она на пороге его комнаты, – к семи нас позвала в гости Виктория. Она живет в частном доме, поужинаем сегодня в саду. Если ты не против.

Мужчина, присевший на край кровати, недоуменно поднял взор на девушку и с непониманием выгнул брови.

– Я-то там к чему?

– Сеньора Стайдеру упомянули персонально, так что тебя тоже ждут, – сообщила Милена и глянула на время. – Еще есть пара часов, отдохай, а я займусь планом миссии.

Хорт недовольно повел плечами, но возражать не стал и молча кивнул.

Милена удалилась в гостиную и, расположившись в кресле, вновь погрузилась в свои записи в исчирикканном блокноте. Если она не может продолжать искать контактера на месте, то хотя бы поразмыслит удаленно. Невозможно ничего не делать!

Но чем дальше она перечитывала разрозненные факты, составляла новые таблицы, прорисовывала логические цепочки и связи фигурантов друг с другом и со списком лич-

ных интересов каждого, тем больше ее смущал один – даже для нее неожиданный – персонаж.

И это был не Даустос и не Балиди. С ними-то все как раз понятно. И тот, и другой обладали весьма сильной властью. Храмовник пользовался привилегиями главного духовного наставника калитосской паствы и очевидно вполне успешно добивался от правящего Сената любых преференций, финансовых вливаний и жертвований в пользу Деоса. Первый советник по внешней политике ворочал уже светские и не менее сильные рычаги воздействия на знать и общество и тоже урывал от своего положения лакомые куски. Если он еще и дорвался бы до монаршего трона, то tandem императора и храмовника стал бы несокрушимым и идеальным для собственных благ. Все это вопросов не вызывало, ибо оптимально укладывалось в понятную схему, как детали лего.

А вот кто ее смущал, так это сеньор Нандис! С одной стороны, нынешний парламентарий Аскалитании вроде бы разделял целесообразность наемного труда, о котором столько лет говорит Терсонис. Нечто подобное Юсталис озвучил ей при их беседе в южной ротонде. Якобы он многое переосмыслил, и перед его глазами имеется пример организации труда совсем иными методами. Вроде он хотел добавить тогда что-то еще, но приход Терсониса не дал ему договорить. Но с другой стороны, именно Нандис являлся родным дядей начальника жандармерии, этого противного Вазориса Дими-

лиди, от одного воспоминания о котором у Милены начинало сводить зубы. Жандармерия ни разу не поддерживала позицию Терсониса, считая, что рабовладение – это устоявшаяся и правильная форма устройства общества. Так чью же сторону займет парламентарий столицы: противоречивого сенатора или собственной семьи?

Проковырявшись с записями почти до самого выхода, Милена с неудовольствием подвела жирную и весьма вопросительную черту и пошла переодеваться. Вечером в саду будет прохладно, стоит надеть джинсы, рубашку и теплую толстовку. Она написала короткую записку для напарника и пошла звать Хорта.

Но тот обнаружился мирно спящим на краю кровати прямо в одежде. Вот дела. И как его будить? Милена хорошо помнила тот неудачный инцидент поздним вечером и не самую его адекватную реакцию. Тогда он тоже лежал так же тихо и расслабленно, зато подорвался от едва слышного вздоха. Девушка с сомнением помялась у порога и поймала себя на мысли, что сейчас Хорт вызывал почему-то большую грусть и тревогу за его судьбу, чем тогда – израненный, избитый, ничего не понимающий и считающий новую хозяйку очередной мучительницей. Отчего-то именно теперь, когда он находился в максимальной безопасности, мог чувствовать себя практически свободным человеком и спать, когда вздумается, – на душе было особенно неспокойно.

– Хорт! – осторожно позвала его Милена с порога, боясь

подходить ближе.

Тот открыл глаза не сразу, но ощутимо дернулся от своего имени и шумно вздохнул, прежде чем в одно движение сесть на кровати.

– Морок... – хрипло выругался он, встряхнув головой и напряженно глянув на Милену. – Встаю.

– Не спеши, у нас есть время, – остановила его девушка. – Оденься потеплее, вечер будет прохладным, тут у нас не Аскалитания. Думаю, вот та черная эм-м... *толстовка* с длинными рукавами будет оптимальна.

Хорт собрался за считанные минуты, нацепив поверх футболки указанную толстовку, и с сомнением оглядел Милену, прежде чем они оба покинули квартиру.

– Почему ты так придирчиво на меня смотришь? – не удержалась она от вопроса уже на улице.

– Мы слишком одинаково выглядим. Это... странно, – задумчиво выдал Хорт, но взгляд поспешно отвел.

И правда: джинсы, толстовки – вот он, результат обезличенного унисекса в одежде двадцать первого века! Никаких тебе расшитых камзолов и батистовых рубашек, кружевных поясов на платьях до земли и шелковых шалей. Наверное, иномирцу подобные наряды виделись вообще убогими. Но что ж поделать...

Милену лишь развела руками, не имея ничего возразить. Сумерки постепенно опускались на Ольховинку, когда они направились к ее окраинам. Ощущалось успокоение ве-

вчера, и редкие прохожие спешили по домам. Милена прошла напрямиком к переходу в Аскалитанию, где положила под дверь записку для Терсониса с нарисованным маршрутом до дома Вики: благо он находился недалеко, и напарник не заплутает.

Они сами уже через десять минут добрались до нужной улицы, обрамленной частными домами и высокими соснами. Этот район города тоже разительно отличался от Калитоса, и Хорт заинтересованно поглядывал на разномастные заборы, деревянные наличники окон, маленькие палисадники, засаженные кустами малины и смородины, припаркованные на обочине машины и играющую в чьем-то саду детвору.

Вика вместе с мамой жила в конце улицы в небольшом аккуратном кирпичном доме с уютным яблоневым садом и широким навесом перед дверью, где всегда в летнее время стоял пластиковый стол.

– Добро пожаловать! Я вас ждала! – улыбнулась Вика с порога, сразу переходя на калитосский.

На сей раз она была не в извечном строгом костюме, а в простых брюках и ярком зеленом свитере.

– Проходите, располагайтесь, – добавила она, приглашая гостей в удобные кресла под навесом. – Шашлык почти готов. Сеньор Стайдера, что вам предложить? Красное вино, коньяк или бренди?

Хорт нервно потер сзади шею и пожал плечами, так ничего и не ответив. Может, стоит вообще ограничиться про-

стой минералкой? Милена вздохнула и понадеялась, что вечер пройдет без недоразумений.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 7. Шашлыки

Вике каким-то ведьминским (не иначе!) способом удалось сделать невозможное: втянуть Хорта в самую что ни на есть нормальную и человеческую беседу. Она не затрагивала ничего личного или нетактичного. Лишь вежливо поспрашивала, как сеньору Стайдере Ольховинка и не считает ли он здешний воздух загрязненным продуктами сгорания топлива в самоездящих повозках типа «*автомобиль*». При этом она не забывала подкладывать на тарелки гостей шашлык, пирожки с капустой и салат из свежих овощей и всячески старалась быть ненавязчивой.

Хорт на удивление охотно как ел, так и отвечал. И сообщил, что запах от *автомобилей* и странного серого покрытия на дорогах оказался куда приятнее амбре от конского навоза на улицах его мира. Что *автобус* – весьма практичный и быстрый вид повозки, свет местных ламп неприятно бьет по глазам (все же слово «*электричество*» выговорить он слету не смог), а мясо на углях вкуснее запеченного на кухонной безогненной печи в *квартире*. Вика с готовностью пояснила, что это «*плита*», и рассказала, как та работает. За беседой о принципах действия бытовых приборов Милене оставалось принять на себя роль Хорта и молча кивать.

В саду совсем стемнело, и под навесом зажгли пару желтых ламп. Милена окончательно расслабилась и про се-

бя неимоверно радовалась, что Хорт вовлекся в беседу и со стороны выглядел почти обычным иностранным гостем на шашлыках у знакомых. Правда, Вика упорно звала его сеньором Стайдерой, а тот с трудом перешел от госпожи к сеньоре Виктории.

Когда была съедена вторая партия шашлыка, в калитку постучали. Вика удивленно насторожилась, но Милена пояснила:

– *Кажется, пожаловал Терсонис. Только он упорно не пользуется звонками в Ольховинке.*

Вика, как ей показалось, слегка зарделась и поспешила к ограде впустить гостя. Это действительно был напарник, тепло и относительно неприметно одетый в темный сюртук и брюки, серьезный и замороченный. Он кратко поприветствовал всех и, пройдя под навес вслед за Викторией, придирчиво осмотрел участников посиделок. К изумлению Вики Хорт поднялся на ноги и склонил голову перед Терсонисом в немом ожидании. Тот хмыкнул и, наконец, произнес:

– Вижу, вы тут неплохо отдыхаете. Я рад за вас.

Милена вскинула брови и уступила напарнику кресло, пересаживаясь на садовый диванчик к Вике.

– Терсон, ты чего такой сердитый пришел? Что случилось?

– Пока ничего, – махнул он рукой и устало опустился в кресло. – Не могу сказать, что в Аскалитании спокойно, но ничего достойного вашего внимания там не произошло.

Милена поджала губы. Напарник однозначно находился в язвительном настрое и был взвинчен сильнее вчерашнего, поэтому и говорил в такой манере. Что-то его угнетало, и беспокойные события в Калитосе могли запросто оказаться если не переворотом, то волнениями в обществе. Но сейчас он упрямо не желал ничем делиться. Девушке стало жаль его, ведь теперь на его плечи легла еще большая ответственность за ход всех их непростых дел, а она тут отсиживалась в безопасности и праздности.

– Так, думаю, Терсонис не откажется ни от мяса, ни от коньяка, – решительно заявила Милена и сделала знак Вике позаботиться о госте. – Хорт, садись, пожалуйста, мы не в Аскалитании.

Вика не совсем понимала, что происходит и к чему все эти реверансы, но предпочла поскорее наполнить чистую тарелку кусочками мяса и пирожками и сбегать в дом за бутылкой коньяка. Хорт снова уселся и безразлично уставился на дотлевающие угли в стоящем неподалеку мангале.

– Вот, сеньор Рохос, лучший коньяк нашего Заокского края, – Вика появилась с бутылкой и несколькими бокалами. – Надеюсь, вам придется по душе и по вкусу. Я принесла для всех. Прошу, угощайтесь.

Она обвела присутствующих вопросительным взглядом, и Милена согласно кивнула. Все равно Терсонис пока был не настроен делиться новостями. Вика шустро разлила спиртное по бокалам и спросила:

– Сеньор Рохос, а в Калитосе принято произносить какие-то застольные речи?

– Что? Застольные речи? – оторвался от шашлыка и своих черных размышлений тот. – Да, разумеется. Когда есть повод, то почему бы не озвучить благодарность, надежду или просьбу высшим силам. Если в них верят, разумеется... Но в данном случае, думаю, уместно будет возблагодарить хозяйку сего дома. Пусть чаша благополучия никогда не покидает вашей обители!

И он на калитосский манер поднес бокал к сердцу, прежде чем неторопливо осушить его. Вика заворуженно наблюдала за его манипуляциями, аки голодный искусствовед на эксклюзивной экскурсии по закрытому архиву. Но и нотка чисто женского интереса в адрес столь учтвого и галантного сенатора не укрылась от взора Милены.

Она тоже сделала глоток коньяка и глянула на Хорта. Тот долго и задумчиво смотрел на отражение лампы в темно-золотистом напитке, склонившись к коленям и покручивая бокал в пальцах, а потом с коротким вздохом одним большим глотком выпил свою порцию до дна. Милене показалось, что в его стальных глазах промелькнула давняя и никуда не девшаяся грусть, с которой он смирился и ужился.

Вспоминал ли он прежнюю вольную жизнь, бесшабашную молодость, верных друзей, первую любовь, семейное торжество? Или то были холодные вечера в военном лагере, где уставшие и раненые воины собирались у костра и грелись

редкими глотками бодрящего алкоголя, прежде чем, завернувшись в потертый мундир, забыться коротким сном прямо на земле? Или в памяти всплыл последний вечер перед фатальным боем, временная передышка, чей-то скромный праздник, за который они отпили по кругу из одной бутылки, а потом, наутро, ринулись в атаку и были разбиты? Последний коньяк свободы перед пленом и рабским ошейником...

Милена отодвинула от себя бокал, ощутив на языке острую горечь чужой тяжелой судьбы и вновь замаячивший фантом гаурьей шкуры, до сих пор плотно и цепко покрывающей плечи сареймянского воина.

Наевшийся и, наконец, немного оттаявший Терсонис разгладил отвороты на манжетах сюртука и снисходительно изрек:

– У меня, собственно, на сегодня несколько новостей. Не связанных друг с другом, но влияющих на дальнейший расклад, и по миссии, в том числе. Самое безобидное – это согласие министра торговли принять в свое ведомство Вазориса Димилиди. Ежели тот, конечно, не заартачится и взаправду готов променять пост начальника жандармерии на помощника министра по торговым связям с Морсагуа. Его дядя, Юсталис Нандис, очень уж активно настаивал на данном прошении.

– Мне кажется, этого хочет исключительно сеньор Нандис, – заметила Милена. – Вообще не представляю, чтобы противный Вазорис добровольно заделался торгашом.

– Если верить... Хорту, – с ноткой осторожности уточнил Терсонис, – и жандармерия действительно готовится установить военную диктатуру, тогда Вазорис наверняка не поддастся на уговоры дяди. Не возьму лишь в толк, зачем Нандису сдались столь радикальные перемены в роде деятельности племянника.

Хорт невесело усмехнулся, все так же опираясь локтями о колени и задумчиво глядя перед собой.

– Сеньор Нандис, – подал он голос, – конечно же, не стал бы желать зла племяннику. Поэтому спешный отвод сеньора Димилиди из рядов армии Калитоса будет оправдан в единственном случае. Если сеньор Нандис знает наверняка, что военных планируется очернить и лишит власти ради перехода к монархии.

Да, звучало это вполне логично. И вполне в духе интриг раннего средневековья. Хотя, чего уж кривить душой, и в современной политике игры ничуть не чище, чем и столетия назад. Каждый, находящийся у власти в Калитосе, очевидно тянул вожжи на себя и активно подстилал соломку там, где могло непременно прилететь. Ох, не зря ее настораживает этот слишком уж скромный сеньор Нандис! Вопрос в том, почему он вознамерился запихнуть родственничка именно в торговлю? Морсагуа, конечно, активно закупало южные калитосские фрукты, оливковое масло, настойки из винограда и одежду из льна, которая пользовалась спросом на востоке. Но что во всем этом мог смыслить жандарм, возвращённый

в армейской системе?!

Терсонис меж тем недоверчиво глянул на Хорта и побарабанил пальцами по пластику стола.

– Никак не пойму, – медленно проговорил он, – зачем бойцовому рабу Гауру вникать в тонкости политического расклада Калитоса? Зачем тебе все это было нужно?

Хорт долго не отвечал, а потом выпрямился в кресле и холодно глянул на сенатора, сверкнув жесткой сталью.

– Чтобы не потерять себя, – сухо ответил он. – Рабство отупляет. Оно лишает не только свободы, воли, желаний и собственного «я», но и способности мыслить. Я не хотел терять еще и голову.

Милена мрачно отвела взгляд. Сама она сильно сомневалась, что можно остаться в относительном адеквате и с не до конца разрушенной психикой, когда тебя целое десятилетие унижают, бьют, мучают и принуждают развлекать господ на ристалище с бессмысленным риском для жизни.

Однако Терсонис бесстрастно отреагировал на реплику Хорта, плеснув себе еще порцию коньяка.

– В таком случае, думаю, вторая новость должна тебя скорее обрадовать, – бросил он ему. – Хотя лично меня она больше настораживает. Хозяин невольничьего рынка сегодня объявил о временном прекращении поставок нового живого товара, и он будет покамест распродавать тех рабов, что уже находятся в его бараках.

– Неужто банды калитоссцев наконец-то перестали совер-

шать набегии на жителей соседних стран? – язвительно буркнула Милена.

– К сожалению, не перестали, но вынуждены приостановиться, – задумчиво сообщил Терсонис. – По последним донесениям к границам Калитоса со стороны южного Октана подтянулись тамошние отряды воинов, которые отрезали ловцам людей пути проникновения. И цепочки поставок прервались. Не знаю, надолго ли, но и временный перерыв в порабощении людей – есть благо.

– Как чудовищно это звучит! – посетовала Вика, всплеснув руками. – Словно речь идет о закупках мешков с хлопком. А не о живых людях. Все же рабству не место в цивилизованном обществе. И калитоссцы рано или поздно должны осознать, что подобная ветвь развития социума – тупиковая и опасная. Как хорошо, сеньор Рохос, что хотя бы вы боретесь с этим отвратительным атавизмом!

– Борюсь, да все без толку... – подавленно сознался Терсонис и залпом допил остатки коньяка в бокале.

– Слушай, а что тебя настораживает? – уточнила Милена. – Думаешь, октанцы развяжут войну с Калитосом?

Напарник откинулся на спинку кресла и напряженно потер переносицу.

– Я уже ничему не удивлюсь. Впрочем, именно Октан никогда не начинал войны по собственной инициативе. Лишь весьма быстро и успешно отбивал атаки любых армий, когда-либо подходящих к его границам. Но стоило врагу от-

ступить, октанцы не преследовали никого и не ввязывались в дальнейший конфликт. Это крайне обособленная и странная нация. Однако нынче война может затронуть не Октан, а сам Калитос. Я имею в виду гражданскую войну. Привыкшие к изобилию рабов господа вряд ли осознают необходимость обращаться с ними бережнее. Количество невольников рано или поздно начнет сокращаться, и это приведет к полному хаосу ведения хозяйства страны. Сей факт напрямую отразится на настроении граждан. А недовольные граждане обычно хватаются за мечи.

– Ничего нового, – резюмировала Милена. – Хотя не это ли твой шанс продемонстрировать сытым индюкам Калитоса всю целесообразность наемного труда?

Терсонис кинул на нее лишенный воодушевления взгляд и мотнул головой.

– Полагаю, в ближайшее время никому не будет дела до таких непривычных и неприятных перемен. И обстановка только усугубится после праздника чествования низших демонов преисподней в грядущее воскресенье. Милена, ты же помнишь, что в «Элиниосе» запланированы особые, масштабные состязания, на которые выставят две с половиной сотни бойцовых рабов – а это в три раза больше обычного! И все они будут октанцами. И так-то данные невольники никогда не подходили на роль бойцов, а тут поистине несметное количество! Боюсь даже представить, чем обернется послезавтрашний день. Вероятно, множественными смертями.

– *Черт!* Опять тупое живодерство! – рассердилась Милена, неожиданно вспоминая смуглое и гордо вскинутое лицо с вязью татуировок на висках и скулах. – Я думала, один Балиди собирается бросить на ристалище тех октанцев, которыми так усердно хвастался на приеме! Но, видимо, полгорода сделает то же самое. Как считаешь, Сенат в состоянии отменить состязания в этот раз? Например, из-за обострения ситуации на границах?

Терсонис задумчиво почесал подбородок, но с ответом не спешил.

– Это не во власти Сената. Мероприятия в «Элиниосе» и без того носят исключительно развлекательный характер. А когда они приурочены к религиозным праздникам, запретить их тем более невозможно. Мне искренне жаль этих рабов...

Повисла пауза, и никто не знал, что сказать. Милена в душе негодовала от упрямой жестокости калитосцев, но и тут стоило прикусить язык. Даже школьные уроки собственной истории поучительно напоминали о том, что удивляться нечему. Видимо, пока господа Аскалитании на себе не испытают нехватку рабочей силы и в один прекрасный день не останутся без свежего мяса, распиленных досок и груженных оливками повозок, ничто им мозги на место не вправит. Но тогда станет еще хуже, ведь все обязанности взвалит на оставшихся невольников, мало заботясь об объеме дел и силах этих несчастных. И так, и сяк жертв не избежать.

Ох уж эти чертовы демоны – как бы иронично ни звучал сей каламбур!

Вика предложила гостям чаю и упорхнула на кухню включить чайник и собрать корзиночку конфет, сочтя, что довольно неприятных разговоров на сегодня. Хорт удалился в уборную, и Милена решила воспользоваться этим перерывом.

– Терсон, давай-ка прогуляемся по саду, – подала ему знак Милена. – Надо кое-что обсудить наедине.

Напарник охотно поднялся из кресла и прошел с Миленой по узкой тропке, петляющей между раскидистых, наливающих созревающими плодами яблонь.

– Тебя что-то беспокоит, Милена? – спросил он серьезно. – Тебе этот Хорт ничем не докучает? Может, все же стоит с ним строго поговорить? И как твоя нога?

– Сколько вопросов! – с улыбкой закатила глаза Милена. – Как видишь, я вполне бодро ковыляю, еще пара дней, и начну бегать. Хорт весьма сносен и покладист, не надо его пресовать, он и так дезориентирован всеми переменами в своей жизни. И единственное, что меня беспокоит, это ход нашей миссии. Ну и то, что я вынуждена находиться здесь и ничем не могу тебе помочь.

Сенатор вздохнул и приостановился у конца забора.

– Ты мне уже помогаешь тем, что не рискуешь собой в Аскалитании. После нападения наемников о твоём здоровье и состоянии многие спрашивают, даже сеньор Балиди инте-

ресовался и просил передать пожелания скорейшего восстановления. Я пока всем говорю, что ты невероятно расстроена произошедшим.

– Расстроена?! – возрилась на него Милена. – Да я... твою гром и молнии! И как только у Балиди смелости хватает голос подавать! Лично у меня он состоит первым в черном списке подозреваемых.

Терсонис неопределенно кашлянул и с сомнением посмотрел ей в глаза.

– Мне кажется, ты немного преувеличиваешь. Я бы больше опасался действий храмовника Даустоса. Хотя ни одному из них я, разумеется, не доверяю. Но... что означает это твое... про гром и молнии? Ты, верно, сердисься?

Милена рассмеялась и похлопала напарника по плечу.

– Гром и молнии, Терсон, это терминальная стадия ненависти к ситуации. Но не переживай, я уверена, ты знаешь, как правильно отвечать слишком любопытным товарищам из знати!

– Я отказываю всем, кто изволил тебя навестить, – заверил напарник. – И весьма решительно.

– А кому всем? – полюбопытствовала Милена, удивившись такому пристальному вниманию к своей персоне, и сорвала самое спелое яблоко, оказавшееся под рукой.

– Да вот хотя бы сегодня днем пожаловала сеньора Амарантис, – буднично выдал Терсонис. – Заявилась после обеда, будто знала, что заседание Сената лишь до часу пополу-

дни, и просила принять ее.

– Только ее нам не хватало! – проворчала Милена, с неохотой припоминая ее бледное, худое, но очень самоуверенное лицо. – И ты принял эту девицу?

– Да, принял, – невозмутимо подтвердил Терсонис. – Она, право же, странная особа, эта Десмания. Не знаю, с чего ты решила, что она как-то особенно дурно и непристойно обращалась с Хортом, по ней и не скажешь. Но сегодня она крайне навязчиво интересовалась его судьбой. Видимо, сочла, что бойцового раба могли обвинить в нападении, – а это было недалеко от истины, – и желала знать, жив ли еще Гаур.

– Тоже мне! – фыркнула Милена. – Ответил бы ей: Гаур пал смертью храбрых, и все, что от него осталось, – старый рабский ошейник. Я бы с удовольствием посмотрела на выражение ее физиономии в этот момент! Десмания – просто избалованная, жестокая и страдающая садистическими наклонностями девица, которую никто не порол ремнем! Дра-ная коза!

– Милена, ради светлых небес! – устыдил ее Терсонис с неподдельным отчаянием. – Мне и так-то порой тебя не понять, но сквернословишь ты совсем не по-калитосски! Десмания вовсе не... коза. Она искусная актриса. И передо мной она разыграла весьма ловкий и драматичный спектакль, продемонстрировав вполне натуральные слезы. Конечно, в ее переживания о твоей судьбе я не верю. А чрезмерный интерес, который она показывает к утраченному ра-

бу, не достоин девушки ее возраста и положения. Она, правда, упомянула, что напасть на хозяйку – вполне в духе Гаура, и, дескать, ей приходилось держать его в максимальной строгости ради послушания и подчинения. Мне не близки подобные темы, ты же знаешь, как я отношусь к рабовладению. Посему я не вслушивался и быстро закончил нашу встречу. Но мой тебе совет на будущее: не вступай в споры с Амарантисами. У них очень запутанные отношения с советником Балиди в силу относительно недавней и неоднозначной кончины обоих родителей и накопившихся долгов. И я до сих пор не пойму: Балиди всему этому поспособствовал, дабы использовать брата и сестру в своих интересах, или же наоборот помогает им выплыть из долговой пропасти. В любом случае, лучше держаться от них подальше.

– Терсон, ты даже не представляешь, насколько я за! – искренне воскликнула Милена. – Но пока что эти Амарантисы только и делают, что появляются у твоего порога и жаждут захватить Хорта. Не знаю, повесь табличку на имении: «Закрыто на учет до конца года».

На это Терсонис более расслабленно посмеялся, пробормотав:

– Учет, да... Как в ремесленной лавочке...

– В общем, держи меня в курсе событий, – подытожила Милена. – Но я тебя позвала поговорить несколько о другом. Я передала Виктории твое письмо, и она хотела лично на него ответить. Видимо, для этого и затеяла сегодняшний

ужин. Так что мы с Хортом, пожалуй, пойдем домой, а вы спокойно побеседуйте. При нас, судя по всему, ей неловко.

Терсонис заинтересованно вздернул брови и прокашлялся.

— Эм-м, хорошо, спасибо.

— Мне же не стоит тревожиться за нее? — пытливо прищурилась Милена.

— Конечно, нет! — насупился напарник. — Как можно! Да и я всего-то лишь спрашивал ее о методах скрещивания разных сортов яблонь и просил подсказать, как вывести стойкие к засухе гибриды. Ты и сама видишь, что сеньора Виктория увлекается выращиванием данного вида плодовых деревьев.

Милена с облегчением улыбнулась и протянула ему яблоко.

— Ну, в таком случае, не будем вас отрывать от аграрных вопросов. Не ровен час, вы сделаете прорыв в разведении плодовых культур, и угодя сеньора Рохоса станут производить уникальный сорт фруктов. Рассчитываю на дегустацию первого урожая!

Терсонис смущенно подтолкнул ее плечом и кивнул в сторону дома.

— Вернемся, а то станет совсем поздно, фантазерка. И будь осторожна. Наступают очень беспокойные времена.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 8. Правило воинов

После чая Милена распрощалась с Викой, заявив, что сильно устала. Она попросила Терсониса завтра обязательно сообщить ей новости из Калитоса и сделала знак Хорту собираться. Тот, прежде чем последовать за девушкой за калитку, молча поднялся из кресла и почтительно склонил голову сперва перед озадаченной Викторой, а потом и перед кивнувшим ему сеньором Рохосом.

Когда Милена вышла с Хортом на улицу, она осознала, что действительно выдохлась за этот, по сути, мирно завершившийся день. Ни тебе нападений, ни покушений, а сил нет, словно после суток на раскопках. Очень подмывало списать все на давний стресс, но в самом деле – сколько ж можно! Она должна быть в строю! Еще и нога непутевая до сих пор ощутимо ныла от каждого шага, особенно под вечер. Хорт покосился на девушку и внезапно предложил ей согнутую в локте руку.

– Это тоже из серии – не расслабляйся? – с подозрением глянула на него Милена, помня о вчерашнем уроке и вот так же безобидно протянутой ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.